Исмат Кучиев

Пять шагов в вечность

Поэма

Минск
«Альфа-книга»
2021

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)-5
К95

ISBN 978-985-7272-21-1

© Кучиев И. Р., 2021
© Оформление.
ООО «Альфа-книга», 2021

Бесценное творческое наследие великого поэта и мыслителя, выдающегося государственного и общественного деятеля Алишера Навои имеет особое значение в истории развития не только узбекской, но и мировой литературы, национальной культуры и литературно-эстетических мировоззрений нашего народа. В своих бессмертных произведениях он воспевал высокие идеалы гуманизма и общечеловеческие ценности, используя огромные возможности, богатство и красоту родного языка, и прочно занял достойное место в сердцах миллионов читателей.

Президент Республики Узбекистан
Шавкат Миромонович МИРЗИЁЕВ

В истории остаются герои и поэты

В юности я слышал, аргентинскую пословицу, которая запомнилась на всю жизнь: «В истории остаются герои и поэты».

Каждый народ гордится храбростью, смелостью, патриотизмом своих героев, которые защищали родину, ставит их в пример молодежи.

Поэтами люди восхищаются, благодаря их творчеству. Поэтов и героев объединяет огромная любовь к родине. Поэты воспевают жизнь, любовь к женщине, правду, справедливость, напоминают человеку о его ответственности перед Всевышним.

Чувство прекрасного дано каждому человеку, но уметь воспеть это в стихах, природа наделят лишь избранных. Что удивительно, эти выдающиеся личности, пророки духа рождаются и творят в самых разных политико-идеологических системах. Бывают у представителей разных народов и похожие судьбы. Они терпят интриги со стороны власть предержащих и богатых вершителей мира, подвергаются гонениям, часто вынуждены бежать из родной страны. Так, к примеру, вынужден был бежать из родной Флоренции поэт Данте, уехал из Франции Гюго, отправляли в ссылку Пушкина и Лермонтова, посажен был в тюрьму белорусский поэт Колас. Вынужден был покинуть родной город и выдающийся узбекский поэт, мыслитель и государственный деятель Алишер Навои, чье 580-летие мировая общественность отмечает в 2021 году.

О жизни и творчестве Навои написано немало, не пропадает интерес читателя, ученых со всего мира и в наши дни.

В чем же притягательная сила поэзии Навои?

Прежде всего, проповедью правды, любви к своей земле, ее людям, состраданием к униженным и оскорбленным, к жизни простого человека. Поэтому и остаются в истории его произведения, в которых утверждается бессмертность добра, любви. Навои в высшем смысле слова патриот своего народа. Как известно без патриатизма нет великого писателя. Вот почему сияют и будут сиять на литературном небосклоне мировой поэзии Гомер, Данте, Низами, Саади, Рудаки, Махтумкули, Гете, Пушкин, Навои.

Трудную задачу поставил перед собой узбекский литератор, поэт и общественный деятель Исмат Кучиев, взявшись сочинить поэму о жизни и творчестве Навои. Перед ним встала дилемма: поведать читателю в стихотворной форме этапы жизненного пути, что могло быть тоже интересно, или попытаться «заглянуть» в творческую лабораторию поэта, найти истоки его творчества и мотивы вдохновения. На наш взгляд, Кучиеву удалось гармонично соединить в поэме и первое, и второе, более того, он пошел на своего рода поэтический эксперимент, очень тактично, смело проводит параллель идей Навои с идеями новых времен. Идею гуманизма Навои поэт Кучиев в поэме «Пять шагов в вечность» еще более возвысил.

В поэме мы найдем ответы на вопросы об атмосфере времени, в котором жил Навои, о традициях и нравах, о восстании чувств, уважении к учителям, друзьям. А главное, о постижении смыслов родины.

Исмат Кучиев написал поэму онегинской строфой. Может, благодаря этому методу произведение читается на одном дыхании. Надо отметить очень высокий поэтический талант И. Кучиева. Очевидно, сказывается и знаменитая восточная хитрость — образно и сказочно-поэтично воплощать в слове

бытовые реалии. Касательно онегинской строфы. Это дань классической русской поэзии т.к. поэма написана именно на русском. А написана она именно на русском, чтобы большее количество людей могло с ней ознакомиться.

По-моему, очень оригинально вкраплены лирические отступления Навои-созидателя, ведь если любишь родину, созидаешь во славу. Алишер Навои был великолепно образован по тем временам. Это был государственный человек, которого интересовало в жизни государства многое — и образование, и строительство, и государственное управление, и наука, и единство народа, которое он видел и в утверждении узбекского языка. И. Кучиев сосредоточил внимание на анализе внутреннего мира узбекского гения, акцентируя внимание на его пути к высотам духовности. Удивительно, претерпев неудачи в жизни, даже унижения, недоверие, Навои не изменил цели: поэзией просвещать свой народ.

Читая поэму Исмата Кучиева, перед глазами зримо встают реальные картины жизни XVI столетия. Перефразируя Навои можно сказать так: «Что мне больше всего по душе — простой узбек в тюбетейке и от народной жизни я черпаю вдохновение и пою гимн родине».

Вне сомнения без любви к поэзии Навои поэт Кучиев не создал бы такую эмоциональную, патриотическую поэму.

Читая эту поэму, получаешь истинное наслаждение от настоящей поэзии, соприкасаешься с далекой историей жизни и творчества великого узбекского поэта, мыслителя, государственного деятеля Алишера Навои, чьи труды, гуманистические идеи и сейчас имеют эстетическую и художественную ценность. Вне сомнения автора поэмы «Пять шагов в вечность» Исмата Кучиева можно поздравить с яркой творческой удачей.

Георгий МАРЧУК,
писатель, лауреат Государственной премии Беларуси

Шаг первый.

ВЗРОСЛЕНИЕ.

Только голос подашь, появляясь на свет,
Глядь – в глазах старика выключается свет.
В этот миг между мраком и тьмою мы вряд ли
Натворить успеваем помногу, мой свет!

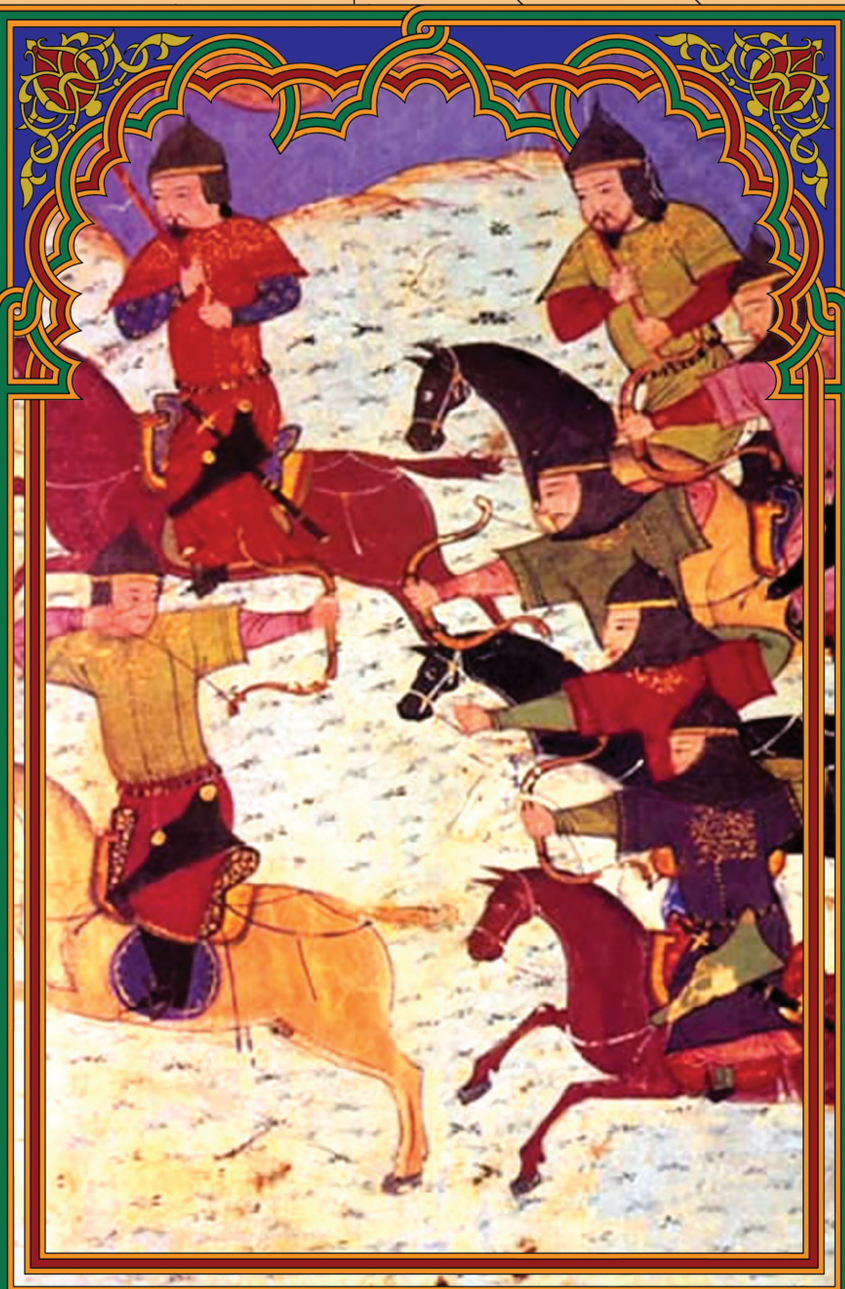
Но в судьбе, словно в нотах, является ключ,
И поэзии вдруг пробивается ключ –
Это значит, мой друг, ты отныне не просто
Человек – ты теперь к бесконечности ключ!

Своя в любом народе лира,
И ждёт героя своего:
Тагора, Пушкина, Шекспира
Бывает – и не одного.
Что ж, и земля Узбекистана
В веках отнюдь не бесталанна:
Людей, кто по-узбекски мог
Собрать слова в высокий слог,
Пожалуй, сыщется немало.
Но мы поведаем о том,
Как, задавая строй и тон,
Родной поэзии нача́ла,
Поэмы дивные свои
Писал великий Навои.

Как нам пролить немного света
На судьбы умерших давно?
Не даст история ответа,
Всё в глубине погребено
Минувших дней тяжёлым грузом.
О, ты, крушащая союзы
И не щадящая друзей –
Твоей руке покорны все!
Но сквозь века бесплотный голос
По-тюркски начинает речь,
Разит неправду, словно меч,
Звучит, гремит, не упокоясь,
И маяком ведёт туда,
В давно ушедшие года,

Когда великий, славный город,
Был Чингизидами сожжён,
Разграблен, и отнюдь не скоро
К величию вернулся он.
С трагичной смертью Улугбека
От рук родного человека
Пришёл в упадок Самарканд –
И получил свой шанс Герат,
Живое сердце Хорасана,
Где неумóлчный шум толпы,
Веков всё видевшая пыль,
Купцы из Индии, Ирана,
Расскажут вам про белый свет,
А каждый водонос – поэт.

Меж тем в семье Гиясиддина
На свет явился Алишер.
Отец был важным господином,
Но что до почестей душе,
Ведь не купить богатством рая!
Вот дядя музыку играет –
И знает Гариби Герат,
И сочиняет бейты брат.
Да, муза многих навещала
В прекрасном городе людей,
Но славен кто? Труды их где?
В истории осталось мало
Имён и строк. Однако всё ж,
В их круг Низамиддин был вхож.

Неудивительно, что встала
Душа мальчишки на крыло:
Кругом поэзия витала,
Сплетались в ткани нити слов,
Вили́сь невидимо в канаты,
Навек связав его с Гератом,
В котором ум поэта рос.
Послушай, как многоголос
Людской ручей в проулках узких –
Торг по-арабски, на фарси
Касыда в воздухе висит,
А там – ругаются по-тюркски,
И в этом море языков
Иному выплыть нелегко!

Как в толчее не заблудиться,
Не стать лицом среди толпы?
Быть нарушителем традиций?
Их продолжателем слепым?
Людская двойственна природа:
Мы – дети своего народа,
Мы – дух его, и плоть, и кровь,
Привычный инструмента строй;
Но, вместе с тем, в нас скрыта
жажда
Познанья новых берегов,
Мы уплываем далеко,
Мы новый день желаем каждый
Сменить людей, дела, места
И с чистого начать листа.

Так, словно маятник, качает
Нас то в народ, то от людей,
То к счастью, то назад, к печали,
Покоя не найти нигде!
Один мудрец рассудит трезво:
Пытаться выбрать – бесполезно,
Что по природе нам дано,
Всплывёт однажды всё равно.
Как в спор вступать с толпой
отважно –
И вслед толпе бежать бегом,
Как делать из друзей врагов,
Изведал, верно, в жизни каждый.
В конце концов, идти во тьму
Нам вместе – но по одному.

Лишь тот баланс найти сумеет,
Кто, отрекаясь от богатств,
Всё людям отдал, что имеет,
А что получит – вновь отдаст.
Талант ему дарован свыше –
И он не для доходов пишет,
А возвышает словом дух.
Народу не кумир – но друг,
Который пристально внимает
Надежде, чаянью, беде –
Его с почтением везде
И знать, и нищий принимает,
И даже враг, готовя нож,
Всё ж признаёт, что он – хорош.

И это всё об Алишере!
Но забежали мы вперёд.
От дара, что ему отмерен,
Он с малых лет сполна берёт,
К учению слух открыв, внимает,
И книги глубина немая
С ним начинает диалог
Искусной вязью древних строк.
Герой наш юн пока изрядно.
Его мы видим в медресе,
Он обучается, как все,
Но не со всеми будет рядом
Один из тех, кому дано
Сосудом власти быть земной.

Не раз в повествованьи этом
Приятель детских лет, Хусейн,
Что, кстати, тоже стал поэтом,
Возникнет после медресе.
Есть вклад его в литературу,
Но был наследником Тимура
По матери и по отцу –
Судьба вела его к венцу.
И тем дороже Байкара нам,
Что по пути судьбы своей,
Хоть было много сложных дней,
По совести, и по Корану,
Сколь высоко бы не взлетел –
О брате не забыл меж дел.

Те времена, что им достались,
Для жизни, творчества, утех,
Прошли под звон булатной стали,
И оба были не из тех,
Кто прятался за спину друга.
Один из царственного круга,
И войском, и мечом владел –
Другой держался мирных дел,
Пером разил, словами правил;
И вместе, словно две руки,
Такие ток любой реки
Оборотиться вспять заставят,
Любые беды разрешат,
Когда б им только не мешать!

Пока же детские забавы
Дни заполняли до краёв,
И лишь зерно грядущей славы
Росло у каждого своё.
Ученья месяцы летели,
Вставали за плечами тени
Давно ушедших праотцов.
Державы, что была мечтой,
Куски делили дети, внуки.
Шахрух – в Герате, при венце,
И в Улугбековом дворце
Ещё пылал очаг науки,
Но приближались времена
Таланты раскрывать сполна.

Рос Алишер, читал поэмы
Фирдоуси и Низами,
Учил слова, вникал в их темы,
Любил Аттара и Джами.
Запомнить их – поди, сумей ты!
Не всяк поэт, кто помнит бейты
И может к случаю блеснуть,
Но к мастерству нелёгок путь:
Тому не покорится сталь,
Кто не качал мехов недели –
Не написать тому газели,
Чьи не изведали уста
Медовый вкус чужих созвучий
И прежних песен слог певучий.

Бывают времена другие:
Юнцам оглядываться лень,
И бейты, сердцу дорогие,
Беспамятства скрывает тень.
Летят в грядущее – а в прошлом
Ничто не назовут хорошим,
Не различают лиц, имён,
История – как страшный сон
Что поскорей отбросить надо.
Но без истории народ
Назад в развитии пойдёт
И превратится вскоре в стадо,
Что за серебряный дирхам
Послушно новым пастухам.

Ученья луч пронзает тучи,
Наш замутняющие взор.
Кто знает прошлое – тот лучше
Расслышит будущего зов,
Очистит путь от ложных целей,
Скорей себя проявит в деле,
Ведь луком пущенный снаряд
Летит быстрее, говорят,
Чем камень, брошенный рукою!
У предков стоя на плечах,
Любой пылает, как свеча.
А тот, кто не обеспокоен
Образованием ничуть,
Во тьме свой совершает путь.

А наш герой в себе науки
Возжёг неугасимый свет.
Его газелей слыша звуки,
Всяк скажет: «Навои – поэт!»
А он, меж тем, ещё философ,
Ответ искавший на вопросы
О власти, обществе, любви;
Он вдохновение ловил
Не только в текстах, но и в нотах,
Мог математикой блеснуть,
Но был притом не горд ничуть –
И сам участвовал в работах,
Больницы строил и мосты,
Как будто родом из простых.

Откуда скромность у поэта?
Искусство у людей давно
В наряды яркие одето
Из славы суетной земной
В нём большинство всегда
стремится
Лишь угождать чинам и лицам,
Чей поплотней набит карман,
На мрамор поменять саман,
Воткнуть в чалму перо павлина
И уподобиться ему,
Смиренно кланяясь – тому,
А этому крича, чтоб спину
Согнул, касаясь лбом земли,
Едва завидел хвост вдали.

Кто оторвался от народа,
Тот древней мудрости ключи
За горсть монет бездарно про́дал:
Кто знает истину – молчит;
Ведомый совестью глубинной,
Скрывает замысел орлиный
В простой обыденности фраз
Лишь тот, кто мудр не напоказ;
Чей разум вскормлен от корней,
Кто голос неба ясно слышит –
С того и спрос намного выше,
Дано вдвойне – вернёт втройне;
Тот будет истинно велик,
Кто пред народом склонит лик.

На тех, кто пот с землёй мешает,
Властитель смотрит свысока.
Вмиг убивает, возвышает
Указа грозная строка,
Гнев – пламя порождает; горе –
Зальёт пожар, с потопом споря,
С расчетом сказанная весть
Народы враз снимает с мест.
Но убери одну стихию –
И разорвётся с небом связь,
Опору потеряет власть
И времена придут лихие!
Подол величия – в пыли,
Всё начинается с земли!

И от земли стартует в небо
Орёл, что выше всех парит.
Единым выкормлены хлебом
Кто разрушает и творит,
Одна вода питает поле –
И половодьем обездолит,
А тот огонь, что греет дом,
Назавтра выжжет всё кругом.
Но тот, кто духом твёрже кремня,
Подобен в щедрости полям –
Дорогу выбирает сам
И, оправданий не приемля,
Каким бы тяжким ни был век,
Всегда зовётся – Человек!

Смотрите! Снова перед нами
Уже знакомый нам герой.
Распорядился семенами
Добытых знаний он хитро́:
Засеяв их в полях словесных
Растит на них стихи и песни!
Ему всего пятнадцать лет,
Но Алишер уже – поэт.
Он пишет бейты без изъяна
И на фарси́, и на тюрки́,
И в глубине любой строки
Одна, верна и постоянна,
Цветёт любовь, пари́т мечта:
Родные прославлять места.

Ирана звонкие напевы
Царят в поэзии давно.
Но кто сказал, что томным девам
Туманить разум не дано
Ритмичным звукам речи тюркской?
И на тропе поэта узкой
Одна персидская стопа
Должна господствовать? Толпа,
Не учит языков – выходит,
Что для возвышенных умов
Писали Низами, Хосров,
Но для поэмы непригоден
Привычный уху говор сёл, –
Лишь просторечие, и всё?

И наш юнец берётся с пылом,
Превознести родной язык.
Ещё своей не зная силы,
Не мысля, будто бы вели́к,
Но, вкрай любовью переполнен,
Он, как пловец, штурмует волны
Размеров, стилей, метров, форм.
Не втихаря, как робкий вор,
Чужие бейты подбирая –
Вслед величайшим из творцов,
Склонив в почтении лицо,
И, с уважением, стараясь
Не повторить – но превзойти,
Идёт по своему пути.

Так не писал никто доселе.
Горят рубины рубаи́,
Звенят лиричные газели
Подписанные: «Навои»,
Что переводится – «напевный».
Кипит весна цветочной пеной,
И юность гордая бурлит,
Покой отбрасывать велит!
Однако мир недолог в мире.
У темуридов вновь за власть
Борьба лихая началась,
И смерть забрасывает шире
Свою ячеистую сеть –
В ней и поэту место есть!

Семью спасая от напастей,
Герат покинул Кичкине,
Как удержать простое счастье
В объятой распрями стране?
С султаном рядом – жизнь сытнее,
Да, жаль, к верёвке ближе шея,
А от султана вдалеке
Гуляет ветер в кошельке.
Но серебра всего на свете
Не хватит подкупить того,
Кто не находит ничего
Дороже чем семья и дети,
Кто на карьеры миражи
Своих родных не ставит жизнь.

Покинутый любимый город
Двенадцать лет сиял вдали.
В трудах, раздумьях, разговорах
Не зря те годы протекли.
Стал юноша поэтом зрелым,
Его стихи, подобно стрелам,
Сердца без промаха разят,
А дух – торопится назад!
Лишь посетил Герат – и снова
Изгнанником из мест родных
Бежит в обитель мудрых книг
Оттачивать до блеска слово,
Что смертоноснее клинка
Бывает в опытных руках.

Способны пламенные речи
И убивать, и воскрешать.
Но коль сразить словесно нечем,
Останется покрепче сжать
Труд кузнеца, а не поэта.
Покинет ножны сталь, раздета,
На ложе тысячи смертей
В бесстыдной наготе своей
Взойдёт, тела людей лаская:
Кого полюбит – никогда
Уже ни радость, ни беда,
Ни скорбь, ни суетность мирская
Того до сердца не проймут.
Таков итог великих смут.

В любой войне есть победитель,
Тот, кто в конце остался жив,
Чужим платком от крови вытер
Меч, и оружие вложил
В обтянутые кожей ножны.
Но совершенно невозможно
Назвать всех тех по именам,
Чью жертву приняла́ война,
Кто стал землёй, кто кровью смазал
Вражды заржавленную ось,
Чтоб колесо войны неслось,
Быстрей, чем пробудится разум,
Чтоб не отбросила клинка
К перу привыкшая рука!

Взгляни: уже едины ростом
Властитель и простолюдин.
Их различить теперь непросто,
Запоминай, Низамиддин:
Вражда не строит – разрушает,
А если даже возвышает
По результатам одного,
То скольких бывших близ него,
В него поверивших, низводит
До горстки праха на земле?
Кого растили столько лет,
Теперь лишь на поживу годен
Голодным птицам и зверью,
Прервав на взлёте жизнь свою.

Но примет прах земное лоно
И по весне рождает вновь:
Травой зазеленеют склоны
Вчера истоптанных холмов,
Водой наполнятся каналы,
И небольшой надел помалу
Пройдёт дехканин с кетменём,
Чтоб выросло зерно на нём.
Обличий много есть у славы.
Одно, заметное едва –
С зарёю утренней вставать
И невеликий след оставить,
Но в скромной малости своей
Он всех иных следов важней.

Смотри, поэт! Политик властью,
Как винным духом опьянён,
Считает, что для прочих – счастье,
Пока сидит на троне он.
Но опустеет трон – и что же?
Придёт другой, сильней, моложе,
Из той же чаши пить до дна.
Однако рушится страна,
Когда у пахаря простого,
Как бек успешно ни воюй,
Нет средств, чтоб прокормить
семью,
Для плуга – сил, для дома – крова!
И так везде бывает, где
Властям нет дела до людей.

И Алишер смотрел. Внимал
Восторгам, жалобам и крикам;
Пусть опыт собственный был мал,
Но он учился у великих!
Поэт не ведает преград,
Он в стороне б остаться рад,
Забыть несовершенство мира,
Писать о том, что сердцу мило,
Но боль и скорбь чужие разом
Пронзают тело до глубин.
Поэт – рожок, в него трубит,
Взывая к людям, высший разум,
И если инструмент хорош –
Возьмёт и слушателя дрожь.

Читатель спросит: «Что же это,
Ослеп я, или просто глуп?
Ну что за темы у поэта:
О том, как он девицам люб,
И как, вино употребляя,
Намерен приобщиться к раю,
Хотя в исламе испокон
На всех один сухой закон!
В сомненьи потираю ухо:
Где всё величие, где суть?
О мудрости веков – забудь!
Я может не в ладах со слухом,
Читаю всё наоборот,
Иль плохо сделан перевод?»

Простим наивные вопросы
Тому, кто вот уж много лет
Приучен, что легко и просто
Всё объясняет Интернет;
Кто видит в мониторе лица,
Не знает пользы от традиций
И так прославиться спешит,
Что напрочь забывает жить.
Мир, переполненный любовью,
Волчком вертящийся вокруг,
Когда-то был как добрый друг,
Сидящий с книгой в изголовье.
Решалось всё не торопясь,
Веков была прочнее связь!

Творец всегда – дитя эпохи.
Он говорит на языке
Что знаем вроде бы неплохо:
Нет незнакомых слов в строке,
Их сочетания – известны,
Кочуют из поэмы в песню,
И образы, увы и ах,
Давно навязли на зубах.
Теперь взгляни на всё иначе,
Отбросив суету, мой брат:
Поэт полтыщи лет назад,
Когда свой путь великий на́чал,
Не знал, конечно, никого
Кто по следам пройдёт его,

Ступал по целине, и только
Мечтал о лучших временах –
Он находился у истока
Всего, что так привычно нам.
Его вели не жажда славы,
Не отблеск серебра лукавый,
А мысль, что народ велик,
Когда глубок его язык!
Для тех веков, почти забытых,
Он был новатором вполне,
Но каждому была ясней
И ближе череда событий,
Тех, на которые в строках
Своих он тонко намекал.

Он не спешил ломать и строить!
Взяв формы вековые, сам
Вдыхал в них мысль – и бейты роем,
Ожив, взмывали в небеса.
Ходил по почве плодородной
И камни образов народных
Он не отбрасывал – гранил!
Традиций кружева́ хранил,
В знакомый ритм, в напев обычный,
В банальный образ добавлял
Метафор жемчуг, мыслей лал,
Такой изысканной отмычкой
Вскрывал консервативный ум
Для небывалых, новых дум.

Смотри меж строк! «Вино» читаем,
Но понимаем: это страсть!
А может – жизни кровь густая,
Что мимо чаши пролилась,
А может – дружба, что пьянила
И придавала прежде силы,
Но обманула ум хмельной
И начала тянуть на дно!
Красотка гордая, быть может, –
Непостоянная судьба,
А может юность, что груба
С тем, чья давно обвисла кожа,
Хотя вчера ещё была
Любвеобильна и мила?

И если был в привычном жанре
Положен о любви рассказ,
Он не давал в постели жа́ру,
Как написали бы сейчас,
Не лил в поэме реки крови,
Подряд всех убивая, кроме
Второстепенных, малых лиц
По ходу первых двух страниц –
Он воспевал любовь! Он трогал
Лишь струны чистые в сердцах
В словах, достойных мудреца.
Но кто решится так же строго,
Тяжёлый друга зная нрав,
Твердить тому, что он не прав?

Сейчас, в продвинутое время,
Когда мы знаем всё и вся,
Мир вроде бы наполнен теми,
Кто, светоч истины неся,
Раскроет нам глаза на власти:
Покажет, кто к чему причастен,
Проявит ум, характер, прыть –
Чтоб зад на троне заменить.
А нет – так льют бальзамом в уши,
Что нет правителя сильней,
Не нужен, мол, другой стране,
Поскольку быть не может лучше…
У Навои учиться б нам
Служить народу, не чинам!

Не трепеща пред властным взором,
Он прямо говорил, в глаза,
Что и султан подобен вору,
Когда считает, будто сам
Всё создаёт в своей державе,
В своём, всевышним данном, праве
Забыв о людях, чьим трудом
Его богатый полон дом:
Не хлеб на блюде – плоть людская,
Халат из нитей судеб сшит,
Пот, как вино, в бокал бежит
И обоняние ласкает…
Борясь со злом, покуда жил,
Он исправлял, а не крушил!

Но мы опять спешим. Не стоит!
Рассказ размеренный течёт
О том, кто пел, учил и строил,
И управлял, и вёл учёт,
Кто знал любовь, изведал дружбу,
Кто делом жизни видел службу,
Имел немало от щедрот
Властей – но помнил про народ,
Паря душой над облаками,
Талант свой людям посвятил.
Не лизоблюдствовал, не льстил,
Меж богачами, бедняками
Путём единственным, своим
Великий славен Навои!

Шаг второй.

ВЫБОР СЕРДЦА.

Спросила Роза Соловья:
– Взаправду ль так прекрасна я,
Что ты готов ко мне вернуться,
Оставив дальние края?

Ответил Розе Соловей:
– Вся красота – в любви моей,
А ты – лишь шип, пронзивший сердце,
Его тираня всё сильней.

Спросила Роза Соловья:
– Не уж то столь ужасна я,
И ты меня навек оставишь,
В душе обиду затая?

Ответил Розе Соловей:
– Тоска моя – в любви моей,
А ты – прекраснейшая в мире
От первых до последних дней.

Напевный щёкот Соловья
Всю ночь до света слушал я
И в сердце бедное шипами
Врастала Родина моя.

Века прошедшие укрыли
Событий истинных следы,
Умы горячие остыли
И обратились царства в дым!
За пеленой неодолимой
Как правду отличим от лжи мы?
На это есть один ответ:
Поступим так, как сам поэт!
Смешаем в мысленном сосуде
Сухой истории листок,
И, в качестве приправы, то,
О чём давно шептались люди –
Ведь правду голую стихам
Рядить дозволено в меха!

Давно покинутый, любимый,
Почти что сказочный Герат.
Усталость от дороги длинной,
Добротный запылён наряд,
Но обретают силу ноги,
Как будто скрыт магнит в пороге,
И сталью налитый башмак
Теперь вдруг ускоряет шаг!
О, детства благостная память,
Тьмы не хранящая в себе –
Каких бы не случилось бед,
Она способна всё исправить,
Любое давешнее зло
Прикроет розовым стеклом!

К тому добавим возраст юный,
Когда ещё неведом страх,
О славе небеса поют нам,
Сердца же, словно на кострах,
Пылают жаркими страстями.
Готовы поедать горстями
Мы сладость жизни в пору ту.
И в этом возрасте мечту
О возвращении к пенатам
Сейчас исполнит Алишер.
Включиться в суету уже,
Вплетая в улицы Герата
Все нервы тела своего,
Он жаждет более всего!

Хоть наш герой – не бедный малый,
Его мани́т не отчий кров,
Где стол для путников усталых
В момент окажется готов,
Поэта кормят впечатленья!
И Алишер, как хитрый пленник,
Лазейку вызнавший в стене,
Бежит, не думая, вовне,
Туда, где жизнь прямей и проще,
Тоской по родине томим –
И мы последуем за ним,
За приключениями… Впрочем,
Что неожиданного там,
Где все изучены места?

По-правде, что ж, ни сном, ни духом
Он не искал запретных дел,
Лишь голод зрения и слуха
Скорее утолить хотел
Шумами, формами, цветами.
Способность юности святая,
Без пищи обходиться день –
И побывать успеть везде!
Подвоха, в общем, ждать откуда?
Но так бывает иногда,
Что за прошедшие года,
Где был пустырь – созрело чудо,
А ты, не зная ничего,
Вдруг попадаешь в сеть его!

И в роли сети послан свыше
Внезапно был простой клубок.
Точнее, с незнакомой крыши
Скатившись, он упал у ног.
Посланца неба взяв из пыли
Сказал поэт: «Вы обронили!» –
Хозяйка, не прикрыв лица,
Поймать пыталась беглеца,
Застыла, глядя вниз с испугом.
И несколько мгновений так,
С сердцами, бьющимися в такт,
Они смотрели друг на друга.
Однако, до конца времён
Был Алишер за миг пленён!

Придя в себя, он обнаружил,
Что ночь приблизилась давно,
Пропущен и обед, и ужин,
Но Алишеру всё равно,
Свой взгляд он поднимает слепо –
Но не Луна сияет с неба,
А незнакомки милый лик.
И сердце сей же час велит
Бежать, искать дорогу к дому,
А разум тонущий вопит:
«Куда? Она, поди, уж спит!
К углу, отныне дорогому,
Сейчас, как вор, в ночной тиши,
Ты возвращаться не спеши».

И, голос разума расслышав
Сквозь грохот крови в голове,
Он из задумчивости вышел.
Посеребрил дорогу свет
Хранительницы тайн влюблённых.
На стенах, солнцем опалённых,
Ночных теней качался строй;
Им уподобившись, герой
Шёл к дому, вновь переживая
Тот бесконечно дивный миг,
Когда взглянул в глаза – и в них
Была видна душа живая,
Что, милой внешности под стать,
Была прекрасна и чиста.

Кто скажет юности в минуту,
Когда она взлетает ввысь,
Что сердцу очень просто спутать
И за любовь принять каприз,
Увидеть в демоне святого,
Принять шипение за слово,
В глазах найти не суть её,
А отражение своё?
Ах, скольких пагубных решений
Помог бы опыт избежать,
Когда б внимали, дорожа,
Науке старших поколений…
Будь исполним закон такой –
Давно бы вымер род людской.

Прекрасна молодости вера,
Что только лучшее грядёт.
Пусть зрелость соблюдает меру,
Пусть старость праведность
блюдёт,
Но страсти юношеской сила
Из тех стихий, что негасимо
Пылает маяком во тьме,
Сопротивляется зиме,
Троп разворачивает сети
В дремучих и глухих местах,
И на нетронутых листах
Из строк, что не было на свете
Искуснее до той поры,
Плетёт поэзии ковры.

И Алишер писал газели,
Стремясь запечатлеть в словах
Всё, что, растерянно глазея,
Он рассмотреть успел едва:
Алмазы глаз, ресницы – крылья…
Тут, опуская от бессилья
Калам, он чувствовал, что слаб,
Лишь покоряется, как раб,
Сравненьям строк, что слышал прежде,
Что недостойны пасть у ног
Принявшей у него клубок!
И он отправился, в надежде
Увидеть вновь прекрасный стан,
В уже знакомые места.

То лоб горит, то вмиг бледнеет.
Чем ближе к компасу магнит,
Тем поначалу тот вернее
К заветной цели курс хранит,
Но стоит оказаться рядом –
И ясность обернётся адом,
Игла вращается волчком.
В смятеньи именно таком
Искатель замер, вновь растерян.
Что делать, если там – она?
Стоять и ждать, что будет знак?
Без приглашенья лезть на стену?
Или Меджнуном лечь в пыли
И воспевать свою Лейли?

Смущённых выбор – осторожность.
В тени укрывшись за углом,
Так, чтоб себя не выдав, можно
Спокойно было видеть дом,
Наш наблюдатель ждал недолго,
Вздохнул четырежды – и только,
А перед ним предстала та,
Чьи столь волнительны уста,
А пара глаз, затмив светило,
Сияньем залила́ Герат.
Подобно серне скачет взгляд,
И на щеках румянец милый,
Посмотрит прямо, глянет вбок…
Что, убежал опять клубок?

Что потеряла эта пе́ри?
Иль, может быть, кого-то ждёт?
А взгляд становится уверен
И устремляется вперёд,
Улыбка с робостью смешалась,
В её лице и стыд, и шалость.
И понимает вдруг поэт:
Угла спасительного нет!
Предметом страсти увлечённый,
Он о стеснении забыл,
И оттого замечен был
С улыбкой, свойственной
влюблённым,
Глупей которой не найти,
Прошедшим к пе́ри треть пути.

В наш бурный век сколь детям проще
Любить – или играть в любовь!
Мы назначаем встречу в роще
Из точки города любой,
В сетях удерживаем время –
И успеваем между всеми
Делами выкроить момент
Сказать любимой комплимент.
Букет доставят по заказу,
Презентов – полон каталог!
А если вдруг пропущен срок –
То в извинительную фразу
Мы на ходу нагуглим вмиг
Какой-нибудь прекрасный стих!

Пятнадцатого века нравы
Лишь для того, кто духом смел!
Любви прекрасная отрава
Родит находчивость в уме:
Пусть даже при взаимном чувстве,
Придётся приложить искусство,
Чтоб просто так, наедине,
Поговорить немного с ней.
Нет клубов, парков развлечений,
Кино не изобретено,
А из того, что не грешно –
Реки оценивать течение
Да речь вести об облаках,
Касаясь пальцев на руках.

И хорошо, что звучный голос
К таланту дан вдобавок был:
Пел соловьём, шуршал, как полоз,
Клинком в клинок булатный бил,
И в те немногие минуты,
Что удавалось умыкнуть им
У жадной на часы судьбы,
Он не шептал, что полюбил,
И не давал ей обещаний,
А лишь читал свои стихи.
Он не писал стихов плохих,
Но перед ней они ницали,
Как гордый бек, терявший спесь,
Явись султан во славе здесь.

Вы спросите, что было дальше?
Соединились ли сердца?
Юнцы порой боятся фальши
Гораздо больше, чем конца
Удачи, жизни, отношений.
Их души – крупные мишени,
В которые попасть легко
За сколом отбивая скол.
И Алишер, конечно, помня,
Что скоро едет в Самарканд
Не дал ни мыслям, ни рукам
Ни языку свободы полной,
И был уверен, что встречал
Взаимность в дружеских речах!

Он не скрывал разлуки срока,
Что будет тосковать вдали,
И в том не находил порока,
Чтоб говорить своей Лейли
О том, что счастье эфемерно,
А он – счастливейший из смертных,
И мог бы быть того втройне,
Когда б не расставался с ней,
Но, тут же встав на путь
окружный,
Чтоб сердце якобы сберечь
Своей возлюбленной, он речь
Вновь поворачивал на дружбу.
Как виртуозно мы, любя,
Способны обмануть – себя!

В попытках не обидеть деву
И прикрывая благом ложь,
Кто скажет – лучше, хуже сделал?
Уж время вспять не повернёшь.
Гули, хоть роду и простого,
Но обладала чувством слова,
Что многим женщинам дано –
Легко нашла второе дно.
Но, не желала быть обузой
Тому, кто не уверен был,
Дружил, иль всё-таки любил,
И предпочла остаться музой,
Укрыв взаимность от него
С гораздо большим мастерством.

Вот так и вышло, что недолгой
Была влюблённости весна.
Клубка повязан нитью тонкой,
Любовь познав – и не узнав,
Уехал продолжать учёбу
Пленённый красотой до гроба
Мир Алишер. Душа чиста,
И грех не осквернил уста,
Но в сердце острая заноза
Саднила, не оставив дня,
Когда бы, косный ум виня,
Он не желал восславить розу
Не поминая «серн» и «роз» –
И, как поэт, всё больше рос.

За годы жизни в Самарканде
Его вполне сложился взгляд:
Стремиться ввысь не славы ради
И от властей не ждать наград.
Он понял: творчества природа –
Питаться от корней народа,
И возвращать плоды в народ.
Уж тот в оценке не соврёт!
Не тех, кто одарён султаном
За славословия халву,
По праву лучшими зовут,
А чьи растасканы диваны
По бейтам, и звучат везде
В базарный день, и в постный день.

Тут грянул шестьдесят девятый!
Собрат по медресе, Хусейн,
Мечту исполнил, и в Герате
На трон правителя воссел,
Проделав путь к тому опасный.
Но что закончилось прекрасно,
То поросло быльём давно
И стало шуткой под вино.
Юнец, кутивший неустанно,
Сперва стал воином – и вот,
Поэта ко двору зовёт
Владетель новый Хорасана:
Вернуться к Родине своей
И послужить на благо ей!

Сказав про царственного друга,
Предвидим зависти смешок:
Мол, вот величия заслуга!
Уж коль в придворные пошёл,
Так, дело ясное, дохода,
Поболее, чем у народа,
Который он превозносил
Лишь на словах, что было сил!
Когда в приятелях начальство,
Любой сумеет быть велик,
А на поверку – выйдет пшик,
Видали мы такое часто!
Раз руку запустил в казну –
Так честным больше не уснуть.

Но всех чесать единым гребнем –
Затея так себе, мой друг.
Властей, что нынешних,
что древних,
Не так однообразен круг,
В любых краях, в любые годы,
Власть – порождение народа,
Поверь, любой сановный грех,
Лишь по масштабу выше тех,
Что людям свойственны повсюду,
Однако святость тоже есть!
Была ли у поэта честь?
Я убеждать тебя не буду,
Возьми на полке Навои –
Пусть убедят глаза твои!

Был он с рождения не беден,
И, всё имея от судьбы,
Он мог бы пользоваться этим,
Людей не слушая мольбы,
В дела, проблемы не вникая.
Скажи мне, надобность какая
В библиотеках, медресе,
Зачем растраты эти все,
Когда, дорвавшийся до власти,
Мог просто набивать карман,
Закят, как требует Коран,
Отдав, а прочей – большей – частью,
Обставить с роскошью жильё,
И так не нищее своё!

Тот не найдёт в излишках толку,
В ком эгоизму места нет.
Кто восприимчив к зову долга –
Не различает звон монет!
Кто сам не чист – тот не оценит,
Но, если благородны цели,
А средства с совестью в ладу,
То вряд ли к ху́ду приведут
Дела такого человека.
Насколько б ни был пост высок,
Кто с совестью сверяет всё,
Тот, от дехканина до бека,
В душе не проклятой любой
Отыщет чистую любовь.

Но полно, наш герой – не только
Политик, будущий визирь,
Он мастер слов, нюансов тонких,
Его перо клинком разит,
Он смел – султана поучает!
А за такое получают,
Когда терпенью выйдет срок,
И братья шёлковый шнурок!
Тут не всегда спасает дружба,
Чтоб сохранить такую связь,
Глаза прикрыть на ложь и грязь
Порой с правителями нужно,
И тем достойней будет тот,
Кто не польстит и не соврёт!

Своими мыслями о власти
Делился Алишер всегда,
И может, всё-таки, отчасти,
Идеи другу передáл,
И убедил его надёжно,
Что доверять поэту можно
Не только тонкое перо,
Но и казённое добро!
Однако разве будет лишним,
Когда визирь в свободный час
Не о казне начнёт рассказ,
Бубня расчёты еле слышно,
А душу бейтом окрылит,
Пока в крови вино бурлит?

А Байкара – султан весёлый,
И чашу доброго вина
Есть повод у него весомый
В любой из дней испить до дна,
И красоты девичьей тему,
Со знанием глубоким дела
Он обсудить всегда готов
Газелью бейтов так на сто!
Хусейн, таланта не лишённый,
Поэту был не просто друг:
Тот видел в нём могучий дух,
Рациональный, просвещённый,
Способный, как никто другой,
Герат поднять своей рукой.

Бывало, в схватках несерьёзных,
Идя в атаку, стих на стих,
Не уступал воитель грозный
Позиций избранных своих,
И поддевал поэта: «Что же,
А ты знаком с атласом кожи,
Который воспевал не раз?
Очей блистающий алмаз
Какой красавицы Герата
На сердце оставлял следы?
Иль это грёз бесплодный дым?» –
Он говорил, смеясь, собрату.
«Любовь в теории, мой друг –
Что боевой из пальмы лук!»

Но Алишер, избрав дорогу,
Упрямо повторял одно:
«Тому везде красавиц много,
Кому бокал покажет дно.
Очей прекрасных жгучий уголь
Милее, чем родимый угол,
Не засияет никогда,
Мой город – вот моя звезда!»
«Так ты совсем любви не знаешь!
За полотном твоих речей
Укрыт унылый книгочей,
Живущий вполдуши. Одна лишь
Любовь, как соловей, поёт
И слову силу придаёт!»

«Я знал любовь!» – «Да ну? Откуда,
Когда ты по уши влюблён
В слова из книг? Но, врать не буду,
Я не настолько удивлён,
Твои газели столь чудесны,
Что так и вижу лик небесный,
И гибкий стан, и ясный взор;
И голос – звон бегущей с гор
Воды доносится сквозь бейты.
Так значит, не из головы
Твоя возлюбленная? Вы
Давно знакомы? Что за беды
Тебя цепями держат здесь,
Когда она на свете есть?»

И Алишер вдруг стал задумчив,
Как будто светлую Луну
Заволокли ночные тучи.
И словно в прошлое вернул
Его вопрос шутливый друга.
Воспоминания по кругу
Текли, как в омуте вода.
Он прерывался иногда
Во время споров, рассуждений,
Забыв, о чём беседу вёл,
Покуда случай не пришёл
В одно из полуночных бдений
Им спор однажды завести:
Что больше у людей в чести́?

В чём уважения природа?
Мёртв Улугбек – ума пример!
Исток покорности народа –
Один лишь ужас? Алишер
Сказал: «В глаза покорность –
лжива!»
И, по примеру ар-Рашида,
Переодевшись, предложил
Узнать, что думают, без лжи.
Султан с советником решили
Тайком весь город обойти,
Послушать сплетни по пути,
И, может даже, будто джинны,
Исполнить чью-нибудь мечту,
Вдвоём признав достойной ту.

Итак, пустились по Герату
Низамиддин и брат Хусейн –
В простых, засаленных халатах,
Шататься в тайне ото всех.
Там – говорит сосед с соседом,
Здесь – в чайхане ведут беседу
Два бедняка. Вот ростовщик
Стенает, что налог велик.
Тысячеглавым дэвом рынок
Их закружил и поволок.
Под стену нищий спать прилёг.
Стоит, стеснение отринув,
Влюблённых пара на углу.
К чужому руку тянет плут…

Но почему на полуслове
Внезапно прерван разговор?
Чего боится, в чём виновен
Наш Алишер? Как мелкий вор,
Готовящий большую кражу,
Он замер, вжался в стену, даже
Как будто цветом слился с ней,
Настолько сразу стал бледней!
Хусейн в немалом удивленьи
Трясёт советника: «Эй, друг!
Ты стал белее сажи вдруг,
И, кажется, дрожат колени?
Ты болен? Может, это страх?
Нас опознал заклятый враг?»

Рта не раскрыв, одним лишь
взглядом
Поэт указывал на дом
Через дорогу. Встав с ним рядом
Хусейн понять пытался, что
Так взволновало Алишера,
Который ведал чувству меру,
Умел в душе хранить покой.
Да, дом. Какой-то весь такой…
Обычный? Дерево и глина,
Растёт чинара во дворе,
Забором скрытая на треть;
Из-за забора – рёв ослиный.
Таких в Герате сто из ста.
Постой-ка, крыша не пуста,

Фигура возится, склонившись,
Над чем – не видно, далеко.
Вот-вот покажется из ниши
Хозяйка крыши целиком –
Да, это женщина. Старуха?
Но не доносится до слуха
Оттуда речь. Не угадать!
Осталось только подождать
Чтоб ликом повернулась к свету.
Но видит глаз, что гибок стан!
Через плечо глядит султан:
А где поэт? А нет поэта!
Не чуя ничего вокруг
Идёт всё ближе к дому друг.

Фигура замерла на крыше –
И, вдруг, взметнулись рукава!
Беда! Неужто кто прослышал
Об их затее? Стражу звать?
Летит снаряд смертельный метко,
И ни стены, ни тонкой ветки
Меж Алишером и судьбой.
Султан за друга рвётся в бой,
Коль не спасти – отведать мести!..
Но мягко падает у ног
Попавший в голову клубок.
Как два осла стояли вместе
И слушали звенящий смех,
На деву глядя снизу вверх,

Плечом к плечу поэт с султаном.
За свой видали оба век
Красавиц знатных Хорасана,
Но здесь – иное. Словно свет
Пронзил глаза, давно слепые.
Такыр, покрытый мёртвой пылью,
Внезапно о́жил под дождём,
И опыта доспех прожжён
Единым взглядом – враз, навылет.
«Она?» – спросил султан. – «Она!»
«Узнал?» – спросил поэт. – «Узнал!»
Казалось, облака застыли,
И замер мир вокруг на миг
Для растерявшихся двоих.

Судьбы сплелись незримо нити
И перепутались в клубке.
Ну что же вы, друзья, стоите?
Любуетесь безмолвно – кем?
Давно укрылась в доме пе́ри –
Пока с небес вам трубы пели,
Глядь – никого на крыше нет!
...Идут правитель и поэт,
Забыв возвышенные цели.
Что им до слухов и молвы,
И джинны добрые, увы,
Уж не появятся на сцене,
Неся богатство и успех
Тому, кто был достойней всех.

Султан насел на побратима:
«Я над тобой так зло шутил –
Судьба сполна мне отплатила,
Прошу, теперь меня прости!
Но только расскажи, кто это?
Вопросы требуют ответа
И рвутся вон из головы:
Скажи, давно знакомы вы?»
«Я был ещё юнцом безусым…»
«И ты её не покорил?
Ты, брат, глупцом скорее был,
А может быть, ещё и трусом?
И не решился вслух сказать
Того, что видно по глазам?»

«Воистину, я был бараном,
И собственных не ведал чувств!
Считал – об этом думать рано,
Поднаторею, отучусь,
И на́ ноги покрепче встану…
Теперь раскрыты в сердце раны,
И кровото́чат, и болят,
Как будто муравьиный яд
Втираю в них своей рукой я.
Пока сухарь твердел вдали,
Тюльпаном расцвела Гули;
И вот, сухарь лишён покоя:
Прекрасный примет ли цветок,
Иль слишком долгим вышел срок?»

«Ты ждать просил?» –
«Ни в коем разе!
Я сердце нежное щадил,
И о любви единой фразой
Я не обмолвился. Среди
Бесед о жизни, о природе –
Себя никак не выдал. Вроде…
Я говорил о дружбе!» «Бра-ат,
Не так умён, как говорят,
Похоже, о тебе другие!
Ты можешь женщине сказать
Ложь о любви своей в глаза,
Но, что не любишь – зря не лги ей,
Любовью женщина сильна,
И силу чувствует она!»

Так, при содействии Хусейна,
Всю силу чувства осознав,
Поэт опять вернул веселье.
Как будто вновь пришла весна
На солнцем выжженные степи:
Ей безразличны сан и степень,
Она заставит расцвести
Колоду, мёртвую почти,
Что говорить о зрелом дубе!
Узнав же, что Гули его
Ждала, как больше никого,
Уже без длительных раздумий,
Он предложил ей сердца часть
И каждый свой свободный час.

Рукой Гули судьба открыла
В души глубоких тайниках
Дотоле дремлющие силы,
Что проявились и в строках,
И в бурной жажде обновлений –
И так не ведающий лени,
Стал Алишер стрелой везде
Носиться целый божий день.
С утра в делах, советы, стройки,
Там – рассудить нелёгкий спор,
Здесь – просят денег на раствор,
Чтоб стены возводились в сроки;
А после – торопиться в сад,
Чтоб провожать вдвоём закат.

Но, видя рвение такое,
Стал Байкара ему пенять:
«Ты наградил меня тоскою,
Теперь не слушаешь меня!
Как можешь времени ты меньше
Давать прекраснейшей из женщин,
Чем государственным делам?
Когда бы был влюблён я сам,
И столь взаимно чувство было –
Тогда бы ни в один из дней
Легко бы не расстался с ней,
А если б что и разлучило –
То, забежав на полноги,
Бросал бы дело на других!»

«Что может царь – то грех
визирю, –
Ему ответил наш герой. –
Кто, кроме нас, поможет сирым?
Имеешь дом – так дом построй
Для тех, к кому спиной удача.
Как быть счастливым в мире плача,
Как в мире тяжкого труда
Забыть о бедах навсегда?
Моё безоблачное счастье,
Что предначертано судьбой,
С людьми, кому вся жизнь –
лишь боль
Не разделить никак на части –
Пусть будет миг без боли им
Оплачен временем моим!

«Ты мудро судишь – но, помилуй,
О том спросил ли ты её,
Надолго ли достанет силы?
Невеста соловьём поёт –
Жена одно твердит кукушкой,
Да так, что скоро станет скучно,
И тот, кто терпеливей всех,
Идёт иных искать утех.
Ей каково тебя не видеть?
Тебя усталого встречать,
И вместо твёрдого плеча
Опору мягче голых мидий
Иметь в тебе, который – ах,
Излишне выдохся в делах!

Ведь я не требую работы,
В которую уходишь ты!
Пропитывать одежду потом,
Руками возводя мосты,
Халаты раздавать – за дело,
Но ими не разрушишь стену,
Что между знатью и людьми
Простыми выстроена. Мир
Не в одночасье был построен.
И не перекроить закон,
Что правит испокон веков,
Каким бы ни был ты героем!
А между тем она – одна
Хотя ещё и не жена!»

«Я вовсе не меняю правил.
Один рождён повелевать,
Другой – служить. Но каждый равен
В своих делах или словах
Перед Единым. Равен в долге.
Когда начнут сводить итоги,
Того, что сделано, тогда
Нас спросят: дар, что был нам дан,
Использован ли в полной мере?
Поэт, что жив внутри меня,
И бек, седлающий коня,
Купец, дехканин – я уверен,
Что не по чину будет спрос,
А по тому, что в мир принёс».

«Да полно, брат! Довольно долга!
Ты любишь женщину – люби!
Судьбы корзина не бездонна,
Кувшин заранее разбит –
Всего и сразу жизнь не вместит.
Не дорожишь своей невестой –
Так уступи её тому, кто понимает,
что к чему!»
«Кому же, брат?» – «Да уж найдётся,
Взгляни получше на неё:
Судьба не каждому даёт
Испить из этого колодца –
Характер, ум и красота,
Душа, как белый лист чиста!»

Поэт смолчал в ответ на это,
Да и султан не продолжал,
Как будто и не ждал ответа.
Иззубрен ревности кинжал
И поражает точно в спину –
Своей рукой его не вынуть,
А если б даже кто-то смог –
Отравлен дьявольский клинок!
Отыщет к сердцу путь
кратчайший,
Попутно силу обретя,
Любой замеченный пустяк
Добавит яда полной чашей,
Ревнивца отравляя ум
Как пьесу – посторонний шум,

Как бочку мёда – ложка дёгтя,
Поэму – лишние слова,
А гость, которого не ждёте –
Надежду покорить диван
И отоспаться за неделю.
Но если дух здоровый в теле,
Он переносит стойко яд:
И то, что сплетники твердят,
И то, что шепчут доброхоты,
Рассудок крепкий не смутит.
Сжав подозрения в горсти,
Без колебания прервёт их
Тот, у кого не гонор есть,
А ум, достоинство и честь.

Узнав о страсти в сердце друга
Возревновал ли Алишер?
Нет. Ревность он считал недугом,
Достойным жителей пещер,
А не поэтов и учёных.
Он уходил домой смущённым,
Придя же, мысль обдумать сел,
Что в чём-то прав собрат Хусейн.
Пленить Гули – любовь ли это?
Он на поэзии женат,
Влюблён без памяти в Герат
И, говорят, не без ответа!
А разве может честно быть
На четверых любовь делить?

Но он решил: несправедливо
Решать такое второпях,
Без той, что сделала счастливым
Его. И, сердце укрепя,
На оговоренную встречу
Пошёл, в уме готовя речи,
Чтоб, не обидев, намекнуть,
Что ей открыт великий путь,
И убедить обдумать дело.
Ведь брак – серьёзнейший вопрос,
Хватает в нём шипов и роз,
И, как бы сердце не хотело,
Но уважать, чтоб вместе жить,
Порой нужнее, чем любить.

Однако, на подходе к саду,
Завидел милую едва, –
В момент, подобно звездопаду,
Во тьму осыпались слова,
Что подбирал с таким стараньем.
И он сказал: «Я в сердце ранен,
И рану эту залечить
Не смогут лучшие врачи!»
«Быть может, это мне по силам?» –
С улыбкой молвила Гули,
Но в тишине мгновенья шли.
Тревога на лице застыла:
«Что приключилось, расскажи?
Болезнь ли сокращает жизнь,

Подрядчик обманул с работой?
Иль милости султан лишил?
Скорей, скажи, скрываешь что́ ты,
Что друга милого страшит?»
«Страшит любовь?» –
«Что-что? С чего бы?
Пусть говорят – любовь до гроба,
Но гроб готовить не пора»…
«В тебя влюбился Байкара».
Гули растерянно смотрела,
Понять пытаясь, в чём подвох:
«Ведь он, ты говорил, не плох…
Влюблён… А нам-то что за дело?
Или любимый Байкара
На деле всё-таки тиран?»

«Нет, не Хусейн меня смущает, –
Поэт в смятении сказал, –
Пустых не помню обещаний,
Он говорил всегда в глаза
Всю правду – мысли, чувства, планы.
Тебя обманывать не стану,
Вы оба дороги душе.
С тобой помолвлены уже,
А с ним дружны, знакомы с детства.
И что поделать – не пойму.
Мне – уступать тебя ему,
Как право, вещь или наследство?
Я б уважать себя не стал!
А между тем – ведь он султан.

В его руках – судьба народа,
Его просчёт сулит беду,
А чувства, такова природа, –
С рассудком вечно не в ладу.
Кто страстью дви́жим
безответной,
Порой не устоит от ветра
Суждений суетных людей,
И, сам не будучи злодей,
По недомыслию способен,
Вдобавок к сонму бед людских,
Наворотить проблем таких,
Которых не измыслить злобе!
Как ни сильна любовь моя –
Теперь в растерянности я».

«Однако, что ж, – Гули сказала, –
Ты не без повода смущён.
Но, сделав для людей немало,
Ты больше сделаешь ещё.
Здесь, в Хорасане, каждый слышит,
Сколь одарён талантом свыше
Его навеки верный сын.
Султанов много – ты один,
Их череда уйдёт в забвенье,
Твоё же имя – Навои –
Бессмертье обретёт в любви
Народной за свои творенья,
А я готова быть твоей
Опорой до последних дней!»

«Одна с рассвета до рассвета,
Покуда я в чужих делах?» –
«Чего желаю я – об этом
Великий ведает Аллах!
Быть может нам не сокрушаться,
А счесть любовь султана шансом,
Нам открывающим пути,
Как к счастью новому прийти?
Рука в руке – бежим отсюда,
Герат – не весь подлунный мир!
Тебе, я знаю, город мил,
Но если треснула посуда –
Бери другую! Я, как тень,
С тобой проследую везде».

«Я знаю, милая. Вот это
Меня сильней всего гнетёт!
Разделишь ты судьбу поэта –
И что тебя в дальнейшем ждёт?
Однажды станут вдруг постылы
Дни ожидания пустые,
А славы холодны́ лучи –
Им даже не зажечь свечи,
Куда там в зябкий день согреться!
Я отдаю себя всего
Делам народа моего,
Твоё же любящее сердце
Достойно больше получать,
Чем незажжённая свеча!»

«Ты, вижу, всё обдумал? Что же,
За то, что право выбрать дал,
Любви не оскорбляя ложью,
Прощу я слабость. Вся беда
Твоя – в твоей же сильной воле,
Что специально ищет боли,
Чужой, своей ли – всё равно,
И пьёт страдания вино,
В нём получая вдохновенье.
Я покорюсь своей судьбе,
Какой бы ни была. Тебе
Я благодарна за мгновенья,
Что мы совместно провели,
Пока Меджнун любил Лейли».

«Но я»…– «Молчи, прошу, не надо.
Раз дорог так тебе султан,
Твоё желание я рада
Исполнить буду. Но тогда
Сам отведи меня к султану.
Я больше ни о чём не стану
Просить, покуда не умру.
Отдай меня за Байкару,
Без отлагательств, завтра к ночи!» –
Поцеловала в лоб его
И, вмиг, оставив одного
В плену безумных междустрочий,
Исчезла в сумрачном саду,
Как свечка, что сквозняк задул.

А Алишер всю ночь метался
Пытаясь отыскать ответ:
Он прав? Ошибся?Рано сдался,
Решив – другой дороги нет,
И уступил ещё до боя?
Непримиримы долг с любовью?
А, может, слишком много дум
Родит ученьем полный ум?
Бороться за Гули – достойно,
Иль это жадность говорит,
Костёр, дымящий изнутри,
Под совести глухие стоны?
Пусть будет тяжело сейчас –
Аллах за праведность воздаст!

Неспешно звёзды поедая,
Идут рассветные стада
По склону неба. Рассветает.
Сапфир, аквамарин, слюда –
Всё выцветает под лучами;
Что совершается ночами –
Спешит укрыться по углам,
Мир уступив дневным делам.
Пока волной светлеют выси
И проясняется в уме,
В дверь, прежде скрытую во тьме,
Уходят сумрачные мысли.
Ах, знать бы только наперёд,
Увидел выход – или вход?

Наставший день покоя не́ дал,
Но гул сомнений приглушил.
И Родине, и другу предан
Поэт до глубины души,
И потому решил: пусть будет
Не так, как возмечтали люди,
А так, как выведет судьба:
Троим, не детям, не рабам,
Уж как-нибудь подскажет разум,
Как им проблему разрешить –
Кого любить, кому служить,
И все узлы распутать разом,
Как подал некогда пример
Тому великий Искандер!

Он был в волнении. Однако,
Пока вдвоём к султану шли,
Ничем не подавала знака,
Что сомневается, Гули.
Была спокойна, улыбалась,
И двух секунд не колебалась,
Когда вступила в разговор,
Хотя молчала до тех пор:
«Я знаю всё, и я согласна.
Для женщин жребий предрешён:
Нам матерями стать из жён,
Старухами из дев прекрасных,
И коль уж быть одной из всех –
Хотя бы ощутить успех,

Правителя собой украсив.
Но есть условие одно.
Пусть будет мой сегодня праздник,
И я желаю не вино –
Воды чистейшей, родниковой.
Не держат во дворце такого?» –
Едва промолвила Гули,
Как воду быстро принесли,
По знаку одному султана.
Она продолжила: «Теперь
Гоните слуг, прикройте дверь!
Правитель гордый Хорасана,
И ты, мой верный долгу друг.
Аллах, что знает всё вокруг,

И в душах, словно в книгах, мысли
Читает скрытые от нас,
В своей непостижимой выси,
Конечно, слышит нас сейчас,
И, чтобы я не сомневалась,
Пусть знак подаст, кому достанусь
Из вас, достойнейших двоих,
Что возжелали ласк моих.
Вот кубок с самой чистой влагой,
Какую знают на Земле.
Испейте из него, смелей,
Всё, что ни сбудется – во благо!
И тот, кто лишний – пусть уйдёт,
Пока не завершился год!»

Два побратима, зубы стиснув,
Друг с другом молча обнялись.
Какие их терзали мысли,
И опасения вились
Какие в двух умах могучих?
Хусейн стоял, мрачнее тучи,
А Навои был бел, как мел,
Но первым он испить посмел
Из чаши, показав тем самым,
Что в ней обмана, яда нет.
Воды скорей за другом вслед
Отпил владетель Хорасана,
Желая показать тому,
Что рад довериться ему.

Сосуд по кругу принимая,
Гули остаток допила.
Зависла пауза немая.
И что теперь? Зовут дела,
А год закончится не скоро…
Сперва поэт покинул город,
Спеша строительству помочь,
Затем султан умчался прочь,
Желая отдохнуть немного
От ежедневной суеты.
Но страсти пламень не остыл
Ни в том, ни в этом. И в итоге
Султан готовить свадьбу стал,
Ждать разрешенья перестав,

А Алишер делам отдался,
Работал днями, будто сам
Сомнений заглушить пытался
Немолкнущие голоса.
И дел нашлось ему немало.
Но в мыслях перед ним стояла
Его любимая, Гули.
В самом Герате, и вдали
От пыльных улочек привычных
Он в каждой узнавал её,
И в тот момент, когда поёт
Под утро муэдзин свой зычный
Призыв, в его врывался сон
Любимой нежный голосок.

И вот, не выдержав разлуки,
Поэт забросил все дела,
Отринув гордость, мудрость, слухи,
Ждала его, иль не ждала –
Не важно, главное – увидеть,
И всё равно, что дальше выйдет…
Гули ждала, давно причём –
И смерть стояла за плечом.
Как опрокинутая свечка
Она лежала, чуть дыша.
Идти готовилась душа
Туда, где радость будет вечна,
Но если грешен – адских мук
Ждать будет неразрывный круг.

1. Как пережить такое горе,
Когда, по слову твоему
В нелепом, глупом разговоре,
Нежданно смерть пришла к тому,
Кому желал, напротив, счастья?
Жизнь разлетается на части,
Как о́б пол бьющийся фужер…
«Господь услышал, Алишер,
И дело рассудил отлично:
Но не поэт и не султан –
По приговору свыше та,
Похоже, оказалась лишней,
Что для себя он захотел,
Чтоб вас не отвлекать от дел!»

2. Она могла шутить, но всё же,
Как бледен лик, как голос тих.
Тут власть земная не поможет,
Сил не вольёт прекрасный стих
Коль поддаётся под рукою
Дверь бесконечного покоя.
Всё, что поэт поделать смог –
Принять её последний вздох
И обещать перед Аллахом,
Что не позволит никогда –
Дни суждены или года –
Вновь руководствоваться страхом!
И, впредь, сомнения давить
В знак уважения любви.

3. «Пусть я умру, не понят всеми,
Вся правда скрыта –
ну так что ж…
Да не взойдёт на поле семя,
В котором поселилась ложь,
В котором проросла измена.
Любовь останется нетленна.
Не стоит продолженья тот,
Кто дар любви не бережёт!»
Поймём ли мы к концу рассказа,
Что Алишер имел в виду?
Как он переживёт беду,
Останется ли трезвым разум?
Дадим герою отдохнуть –
Ведь перед ним немалый путь!

Шаг третий.

ВЫБОР ВОЛИ.

Не верь тому, кто говорит,
Что за людей душа горит.
Когда пожар внутри пылает –
Для излияний рот закрыт.

Пустынны улицы Герата,
Когда июль вступил во власть,
Покуда тысячекаратным
Алмазом в небе не зажглась
Луна – властительница ночи,
Прервав заботы дня. Для прочих,
Кто не обязан жить в труде,
Начнётся в ночь рабочий день.
Жары халат отбросив на пол,
В прохладу вечера нырнёт
Оживший город. Весь народ,
Как будто джинн из старой лампы,
Течёт на улицы, спеша
Дела до полночи решать.

Пока совсем не село солнце,
И глаз Всевышнего не спит,
Скорей торопятся торговцы
Рукопожатием скрепить
Итог переговоров честных.
Спешит ручьями улиц тесных
Поток разносчиков воды.
Над чайханой курится дым
И рокот тихих разговоров,
Благожелательных вполне;
А чуть поодаль, не стене,
За кость с котом дерётся ворон,
Хоть оба знают, что за ней
Могли б найти что повкусней.

Идёт, задумавшись, неспешно,
По переулкам человек,
В когда-то дорогой одежде,
И по осанке видно – бек!
Но не увидишь спин согбенных
Пред ним – улыбкой непременно
Сияет встречное лицо.
Визиря на руке кольцо,
Но нет ни свиты, ни охраны.
Ему все уступают путь.
Поклоном, словом кто-нибудь
Прогулке не мешает странной.
А он шагает, в мыслях весь,
Как будто только телом здесь.

Шаг, словно ритм гребца размерен,
Висков коснулась белизна.
Вы не узнали Алишера?
Он сам себя бы не узнал.
Куда пропал мечтатель знатный,
И кто покрыт его халатом?
Для нас история проста,
Для прочих – сóмкнуты уста.
Он, смертью заново рождённый,
Как будто старше стал на век,
Отныне смотрит только вверх,
Пусть даже темам приземлённым
Его газель посвящена –
Как раз рождается она!

О чём в свободные минуты,
Гуляя, думает визирь?
Удача выпала кому-то,
Кто чистым был рождён в грязи,
Или тому, кто вырос в шёлке
Характером подобен волку,
Что принимает грозный вид
И в горло вгрызться норовит?
Кто ходит не в парче и злате,
Тот тяжко трудится весь век,
И из его кармана бек
Достаток свой сполна оплатит,
Но вспомнит ли, гуляя всласть,
К чему обязывает власть?

Зачем на свете справедливость?
Надежду ложную давать,
Что в мире что-то изменилось,
Что власть имущим головам
Чалма зелёная дороже,
Чем позолоченное ложе?
А просвещённому уму
Богатство бренное к чему?
Поэт, окрепший духом в вере –
Не сумасбродное дитя:
Лишь сколько нужно для житья
Себе в доходах он отмерил,
А прочее пускал везде
На благо праведных людей.

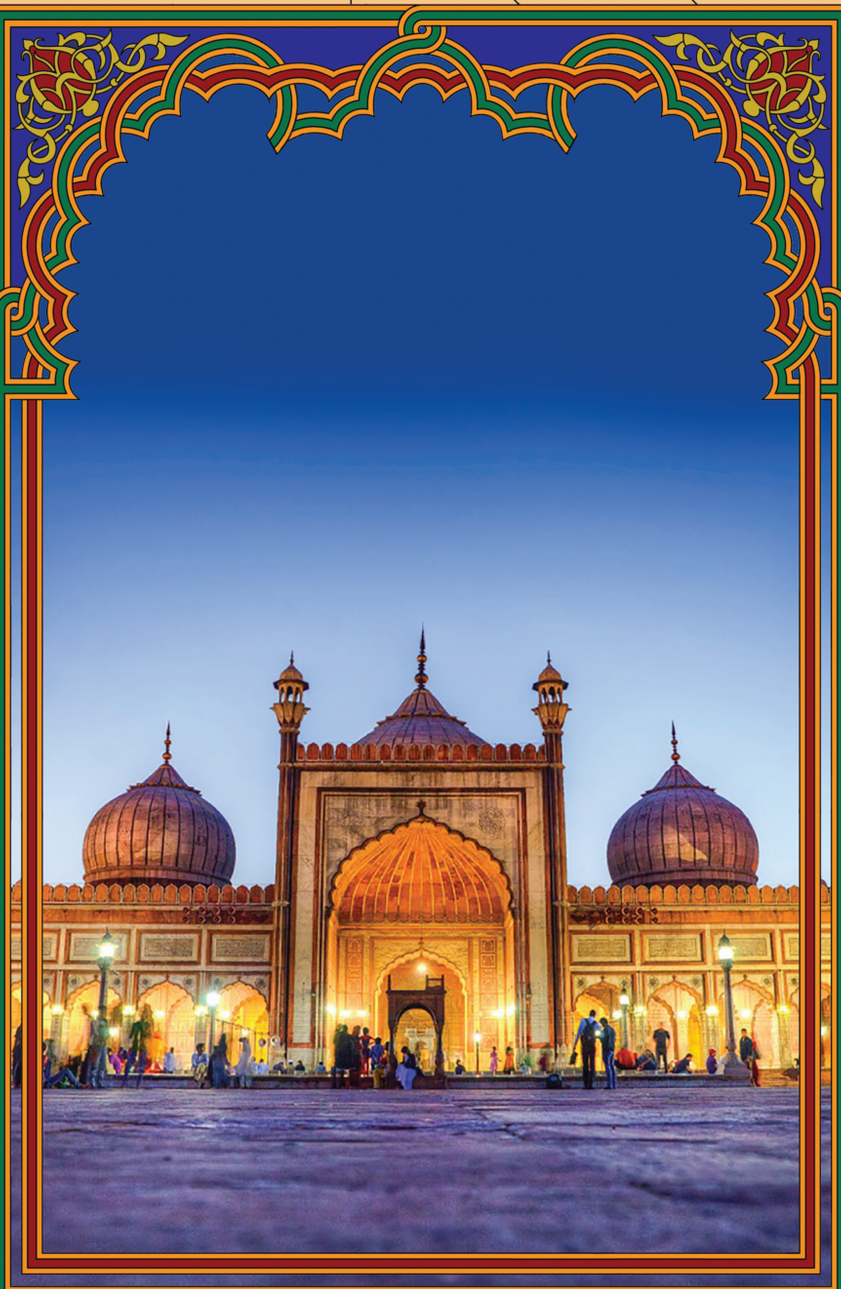
Для бедных раздавал одежду,
В беду попавшим помогал,
Был добр и справедлив, как прежде –
Но точный вёл учёт деньгам,
Их уподобив каплям крови:
Ведь где исток богатства, кроме
Полей, что обработал плуг,
И жизни – той, что отдал друг
За право нам работать в поле?
Когда без сердца высший свет –
Кровь приливает к голове,
Её не оставляют боли,
И вскоре следует удар
Парализующий. Когда

За сердцем следует богатство,
Оно спешит от головы
К ногам рабочим возвращаться,
К рукам умелым, деловым,
Как кровь, текущая по венам –
И, круг за кругом, неизменно,
По телу крепкому бежит,
Его поддерживая жизнь.
Вот кровь, её рождает тело,
И голову питает ей,
И тем становится сильней,
Чем правит более умело
Потоком этим голова,
Иначе – всем несдобровать.

Испытан был поэт – и вот он
Ещё увереннее встал
На путь отеческой заботы.
Но не такой урок султан
Извлёк из горестных событий.
Сперва, унынием убитый,
Сдружился крепче он с вином,
Не находя покоя в нём –
Зато найдя друзей в покоях,
Которым мил нетрезвый ум.
Так мошкары несносный шум
Становится привычен вскоре,
И вот уж первым комарам
Инстинкт командует: пора!

Как легче жить, как лучше править,
Они тихонечко зудят,
Нестойкий ум сильнее травят
И кровь народную едят,
Спешат набить полнее брюхо,
Закрыв к чужим проблемам ухо.
Не будь Хусейн поэту друг –
Уже и сам, наверно, глух
Он стал бы к тем, кто ниже родом.
У тех, кто властью облечён,
Привычка вечная – ни в чём
Не видят дела рук народа:
Ты только подпиши указ –
Само всё явится тотчáс!

И этот зуд не утихает
С весны до следующей весны!
Мол, наполняемость плохая
Для недостаточной казны,
А у визиря – снова траты:
Вновь стройка посреди Герата,
А вместо этого он мог
Чуть-чуть поднять один налог,
Ввести другой – и пару пошлин…
Размяк-де, скажут, Байкара!
Рубить давно уже пора
Канат привязанности прошлой,
Пока, прибрав казну к рукам,
Он всё не роздал беднякам!

«Они, быть может, в чём-то правы… –
Так начал речь свою Хусейн,
Чей ум противился отраве,
Хотя справлялся не совсем. –
В конце концов, от нас зависит,
Падёт Герат – или возвысит
Его история в веках,
Без серебра же нам никак
Не удержать страну в покое,
Да и соседей не унять,
Которые не прочь отнять
Что смогут. Время не такое,
Чтоб лёжа в потолок плевать
И всем объятья раскрывать!»

«До потолка доплюнь, попробуй!
А, впрочем, некогда лежать.
Ведь от рождения до гроба
Не так уж широка межа,
Одной ногой уже мы в поле,
Где завершаются все боли,
А сколько надо нам успеть!
Понятна мне придворных спесь:
Рождён в шелках, дышал шафраном,
И то, что кто-то, взяв кетмень,
Провёл согнувшись целый день
Такому, ясно, будет странным,
Но в этом не его вина.
И в нём нуждается страна!

Чтоб кто-то исполнял законы,
Кому-то надо их писать.
Чтоб трон стоял – стоят у трона
Султана руки и глаза.
Кто в одиночку с властью сладит?
Идти вдоль пропасти, не глядя,
Без офицеров бой вести –
Не то что на бумагу стих
В ночи записывать!» – «Ты что же,
Неужто свой великий дар
Так низко ценишь? Вот беда…»
«Любой талант – подарок Божий,
Поэт, политик – все равны
В служеньи для своей страны!

Вельможу я не ставлю выше,
Но без него, как без ушей,
Правитель жалоб не услышит, –
Речь продолжает Алишер. –
Однако если ухо лживо,
Рука лишь требует наживы,
И слепнет глаз к людской беде –
То серебро бессильно здесь».
Хусейн в раздумьи молвил: «Как же
Ты предлагаешь нам в войне
Без стрел, брони или коней
Одерживать победы? Скажешь,
Разить лишь песнями врага?
А сбруя нынче дорога!»

«Скажу, что войны – дело злое.
И что добыто не трудом,
В свой час окажется золою,
Восторги обратятся в стон:
Нет без жестокости победы
В бою – но за неё я не́ дал
В обмен бы ломаный дирхам.
Да, тела не сразить стихам,
Зато они пронзают душу!
И тот, кто жизни был лишён,
Живым назавтра, может, он
Стал чище, если бы послушал
В стихах мудрейших из людей:
Злом пожирается злодей!»

«Что делать! Брат встаёт
на брата,
Кто меч не взял – давно убит.
Сейчас победа – завтра плата,
Но завтра может и не быть,
Коль враг окажется шустрее
И первым в небо пустит стрелы!
А кто уступит – тот герой
Во славе – и в земле сырой!» –
«Бывает участь горше смерти…» –
Не знаю участи такой,
Откроешь мне глаза?» – «Легко.
Оставшись жить на этом свете,
Бессильно видеть, как в песок
Твой превращается мирок,

Как набирает ход лавина,
И вот уже идёт войной
Не брат на брата – сын на сына,
И знать, что ты тому виной;
Как твоего хоронят внука,
Которого твои же руки
Приговорили без нужды,
А лишь в похмельи от вражды!
Глядеть, как целой жизни дело,
Твоя великая страна,
Тобой на смерть обречена
Лишь потому, что ты умелым
Позволил править хитрецам
Сейчас от твоего лица!»

«Ну нет! Ты интриганов сети
Прорвёшь благодаря кольцу,
Да и растут, как должно, дети
В повиновении отцу –
Причин для паники не вижу.
И всё ж, давай вернёмся ближе
К доходам. Ты там строишь…» –
«Да,
Но из казны я никогда
Дирхама лишнего не тронул.
Захочешь – полный дам отчёт,
Не обнищал пока ещё
И остаюсь опорой трону;
Кто сил иль совести лишён,
Пусть костылём считает трон!»

И вот, поэт подходит к дому.
Беседа вышла нелегка,
Как одному, так и другому
Пришлось зайти издалека
Из уважения друг к другу,
И, совершая круг за кругом
Обычный хоровод вельмож,
К концу дошли до дела всё ж.
«Подозреваемый в растрате!
И кем – кто рядом много лет!
А ведь, казалось, будто нет
Давно уж никого в Герате,
Кто, будучи едва знаком,
Мог попрекнуть хоть медяком!

Халат – и тот давно не новый,
Хотя хорош ещё вполне.
И если в чём визирь виновен –
В своей заботе о стране
Он о стихах не забывает,
И мыслей жемчугá свивает
Словами звонкими в газель.
Однако, кланяться грозе
Отнюдь не глупость –
осторожность!
Попав в водоворот интриг,
Опасно забывать о них,
Султана убедить несложно,
И кто поднаторел в речах,
Когда-нибудь найдёт рычаг.

И что ж теперь, дела оставить,
Чтоб не попасться на крючок?
Но книгу судеб жизнь листает,
Кто знает, сколько там ещё
До точки твоего абзаца?
Сегодня за калам не взяться –
А завтра будет не с руки;
От недописанной строки
К началу опоздаешь стройки,
Подрядчик цену задерёт,
И вот уже, волной, вперёд
Пойдут сдвигаться планы, сроки –
Да только смерть не убедить
В урочный час не резать нить!

Интриги расплетать – не к спеху.
Кого б ни слушал Байкара,
Доверие моих узбеков
Дороже прихотей двора!
Мне за касыду не заплатит
Тюрк в перелатанном халате,
Но нет ценнее ничего,
Чем уважение его.
Эмир заносчив? И не странно,
Что, находясь среди людей,
На рынке, во дворце – везде
Он водит за собой охрану.
Что ж, я – эмир. Но для меня
Любовь – прочнейшая броня.

Кто снять готов с себя рубаху,
Чтоб вправду нищему помочь –
В глаза людей глядит без страха
И знает: истинная мощь
Не в серебре – в делах. А слово
Для дела служит лишь покровом;
Беда, когда богат покров
Гораздо больше, чем нутро!
Глупцы вельможи только стройку
Под носом видят, но она –
Лишь стены с крышей. А страна –
Не ряд камней, не важно, сколько
Их в том уложено ряду.
Меж тем вся правда на виду!

Кирпич для государства – люди.
И швы связующий раствор –
Они же. Что прочнее будет,
Чем душ чувствительных родство,
Небезразличных, склонных к правде,
Живущих будущего ради,
А не мечтающих потом
Списать растраты на потоп!
Таких не разглядят вельможи,
Чей выше лба спесивый нос,
Для них историк, водонос,
Бродяга, плут – одно и то же,
Что грязь с подошвы сапога:
Презренна и недорога.

Народ для них – сплошная масса
Без лиц, без воли, без судьбы:
Во время войн – сырое мясо,
Во время мира – скот, рабы.
Но у людей одна природа!
Порой выходит из народа
Ум, глубиной на зависть всем!
О, будь свободнее Хусейн
От пут традиций, связей с знатью,
Мог стать он более велик,
Когда б советников своих
Брал не по стоимости платья,
А по способностям к тому,
Чтоб помогать в делах ему!»

Задумка в голове визиря:
Создать в Герате медресе –
Пока есть деньги, власть и силы –
Всегда открытое для всех,
Кто чист душой, не глух к наукам,
Кто верит не клинкам и лукам,
А только мудрости веков,
Кто выше прихоти – закон,
А дело – выше слов считает,
Себя не ценит больше всех!
Не скор познания успех,
Его задача – не простая,
Тропа ведёт через века
И не видать конца пока!

Но чем сильнее глас народа,
Чем больше будет всякий муж
Любых сословий, год от года,
Образованию не чужд,
Чем шире путь открыть талантам –
Тем чаще совесть, а не плата
На службу будет приводить.
Стремленье к истине в груди
Горит само – порой лишь надо,
Чтоб пламя это с детских лет
Не зря рассеивало свет
Под ливнем бед, насмешек градом,
Чтоб был учителей пример
Всегда живой из разных сфер.

«Историк правду нам расскажет
О том, что кануло в века,
Для дела будущего важен
Порою взгляд издалека
На наше прошлое – ошибки
Идут за нами тенью зыбкой,
Чтоб повторяться, и не раз!
Даст астронома зоркий глаз
Намёк, когда начаться делу,
Прочтя движение светил,
А математик посвятит
Нас в чисел стройную систему,
И даст учёный богослов
Совет, как не умножить зло.

Художники, мастеровые,
Творцы, учёные – они
И есть бойцы передовые,
Хотя порой они в тени
Вояк, чиновников и знати.
Мы дорого за войны платим:
Ребёнка много лет храним,
Чтоб вмиг клинок покончил с ним!
Весь опыт, знания и блага,
Что мог он миру принести,
Во время смуты не в чести,
Нужны лишь удаль и отвага,
И трусом прослывает тот,
Кто саблю в руки не берёт.

Но есть сражения другие.
За тело – врач, за дух – поэт
Веками бьются, и враги их
Не таковы, чтоб дать ответ
За злодеянья в жаркой сече!
Бой с глупостью тяжёл и вечен,
Нет перерывов между битв,
Чуть расслабляешься – убит:
Теряешь мысли, время, силы,
Больных, учеников, друзей;
Оглянешься – а где же все?
Цепочкой за спиной могилы
Тех, кто с тобою рядом был,
Но – не хватило в битве сил.

Вот и султан в плену у хмеля,
И недостойных слушать стал –
А ведь вчера ещё звенели
Хусейна бейты, словно сталь,
И сталь в руке гремела громом!
А нынче нет услады, кроме
Постели, кубка, мягких губ
И лживой лести медных труб».
… Окончен день. Давно за по́лночь.
В неярком отблеске свечи
Тихонько сытый кот мурчит,
Чтоб ненавязчиво напомнить,
Что надо спать идти скорей –
Ведь утро вечера мудрей!

Поэт вытягивает ноги,
Усталость дня стекает вниз.
Сегодня в городе он многих
Друзей увидел, но они
Его не стали беспокоить,
Гадали, видно, что такое
Бек Алишер несёт в уме.
Так ни один и не посмел
Нарушить ход его раздумий,
Как птицы важной перелёт.
Бек, математик, полиглот,
Эмир, визирь, поэт – на стуле
Одном не хватит места всем,
Как не запутаться совсем?

«Сколь много лиц досталось заду,
По счастью – крепкому вполне,
Но и о нём подумать надо!
Найдутся умники в стране,
Кто Навои уменьшит ношу:
Едва кольцо визиря сброшу –
Желающие набегут.
А я, как друг, и впредь смогу
Султану подавать советы,
При этом стоя вне интриг!
И просьб о помощи моих
Он не оставит без ответа,
Зато отстанет мошкара…
Ну что же, спать и впрямь пора!»

Приняв решение такое –
Дела в политике свои,
Оставить вскоре, чтоб в покое
Творить остался Навои,
Из всех дорог тропинку к свету
Творца, учителя, поэта
Избрав, кольцо визиря снял
И погасил свечу. Звеня
Цикад восторженным напевом
Безлунная стояла тьма,
Надёжно скрывшая дома.
Рабы, вельможи, жёны, девы,
Кто спал, кто – занят был в ночи,
А чем – об этом умолчим.

Чей день в труде, и ум не праздный,
Едва подушки головой
Коснувшись, засыпает сразу.
Кто с ленью день проводит свой,
И тот, чья неспокойна совесть,
В ночь просыпаются, как совы,
Но наш герой сейчас – поэт,
А к совам интереса нет.
Оставив Навои в постели,
Чтоб отдохнул от дел слегка,
Вернёмся вновь через века.
С тобой, читатель, мы хотели
О том поговорить сейчас,
Как мало изменили нас

Столетья, смены поколений
И достижения наук:
Микстуры нет пока от лени,
И глупость – всё ещё недуг,
Передаваемый потомкам,
Смерть нескончаемым потоком,
И даже более, чем встарь,
Кладёт людей на свой алтарь
Во время войн и эпидемий.
Выходит, Навои неправ,
И человека низкий нрав
Он не учёл в своей системе:
Образования плоды –
Лишь умножение беды?

Ответы прежде были в моде,
Мол, раз спросил – так просвети!
Ведь в человеческой природе
Искать кратчайшие пути,
И чтоб притом ориентиры
Во тьме невежества светили,
Нас к верной мысли приводя.
Но пониманья не родят
Легко полученные нами
Без платы знания. Цена
Всегда у мудрости одна:
Ответы находите сами!
Нас из сомнения болот
На почву твёрдую ведёт

Вопроса веха, не ответы –
Подталкивает нас вперёд,
Искать решение. При этом
Всяк по уму себе найдёт
От общей истины крупицы:
Одним – отборная пшеница,
Другим – овёс или пшено,
А этим – зóлота зерно,
А кто-то россыпи алмазов
В процессе поиска открыл…
И лишь глупец таким, как был
Оставит недалёкий разум,
Ему ученье – белый шум.
Но мы… Но я тебя прошу,

Незнанье с глупостью не путай!
Там – пляж, а тут – зыбун в песках!
Невежда – заплутавший путник,
Глупец – воинственный дикарь,
Оберегающий от истин
На дальнобойной пушки выстрел
Любые подступы к уму.
Ему вопросы ни к чему,
Глупец, возможно, образован,
И даже, может, важный чин,
Но мозг его неизлечим,
Он попросту не слышит зова
От тайн идущего, извне,
Что различим тебе и мне.

Так решено! Не быть ответам.
В поэме, той, что посвятил
Поэт – великому поэту,
Вопросами заполним стих:
Что власть: крыло или оковы?
Прав Навои, что выбрал слово?
Кто отдал власть – силён иль слаб?
Возможно ль, чтоб когда-то раб
Стал править лучше господина?
Властитель – волк, пастух иль пёс?
А, может, лжив такой вопрос,
Власть – от народа, с ним едина?
И, впрямь, дороги средней нет:
Или визирь – или поэт?

Засим дозволенные речи
Мы прекращаем до утра:
Забот каких поэта плечи
Назавтра примут? Байкара
Останется ли верен дружбе,
Когда визирь оставит службу?
За этим завтра проследим –
Ведь нам известно: впереди
Ещё осталось дел немало.
Пока написано не всё,
Сомнений червь нутро грызёт
И разум путает усталый…
Чтоб налегке пуститься в путь,
Неплохо будет отдохнуть!

Шаг четвёртый.

ИСПЫТАНИЕ РАЗУМА.

Усомнился напрасно ты, Мир Алишер.
Позабыт бесполезный кумир, Алишер,
Ты ж – не камень холодный,
ты жив и бессмертен,
Если помнит тебя этот мир, Алишер.

Говорят и Тибет и Памир, Алишер:
«Ненавидел войну, был за мир Алишер!
И втроём перевесить тебя не сумеют
Искандер, Тэмуджин и Темир, Алишер!»

Да пребудет в душе твоей мир, Алишер!
Не по воле властей ты эмир, Алишер,
Для народа ты жил – и остался в народе
Бесконечно певучим лишь Мир Алишер!

Бежит строка. За ней – другая.
И снова за строкой строка.
Газель волнами набегает
Из океана языка
На берег жизни повседневной.
Что растерялся, друг напевный?
Кому пришла такая блажь:
Соорудить богатый пляж
Там, где в песках обыкновенных
Окатыш галечный простой
За перл считается? Постой,
Умерь поток, бегущий в венах,
Ведь не считали старики,
Что для поэм хорош тюрки!

Опять калам стрижом порхает,
Поэта в выси вознося.
Как будто рифма неплохая,
Но раскрывается не вся
Идея в ней. Крылом подбитым
Бейт провисает. Держит ритм –
Но кроме формы есть и суть!
Нам не подходит «как-нибудь»,
Задача избрана большая,
Тут не простой диван – хамса
Орлом взмывает в небеса!
Что стройность мысли нарушает,
Как дичь, без промаха, стрелой
Из стаи уберём долой!

Нам речь великого народа
Дана как тонкий инструмент.
Так скульптор молотом породу
Преобразует в монумент
При помощи резца с зубилом:
Что серой глыбой раньше было,
То, веса лишнего лишась,
Готово душу возвышать.
Но чтобы силу камня вынуть
И зрителю отдать на суд
Нужны чутьё, талант и труд,
Глубокий образ, точность линий;
Соврёшь – обратно хода нет!
Не так работает поэт.

Листов исчёрканных повозку
Огню скормил он не одну!
Порой бывает так непросто
Страницу не перелистнуть,
Чтоб, всё забыв, начать с начала,
Пока касыда не звучала,
Пока никто не слышал стих
Срывающийся с губ твоих –
Но нет, мы нрава не такого,
Кто слаб характером – давно
Сменил чернила на вино!
И день, и ночь мы ищем слово
Которое уместно здесь
И воедино свяжет текст!

Грешно, идя во след великим,
Им не стремиться быть подстать.
Не стать неясным лунным бликом
В веках – задача непроста,
Сиди, гадай, как сделать лучше:
Нельзя традицию нарушить,
И повторять её – нельзя!
Где чувство тонкой меры взять?
Вот Низами святые строки:
Не искази, но обнови,
Иначе ты не Навои,
А подражатель жалкий! Скольким
С ним удавалось вровень быть?
Не жаль мне было б уступить

Тому, кто, без сомненья, гений,
Желай я знать, сколь сам велик.
Но ради прошлых поколений,
Тех, кто наследует язык,
И чужаков, что слог оценят
И согласятся, что для целей
Поэзии подходит он,
Хотя в глухой степи рождён;
Для тех, кто думает, что тюркский
Прост, беден или некрасив –
Лишь отражение фарси
На мелкой лужи водах тусклых, –
Я должен, свой народ любя,
Его возвысить – не себя.

Жил Гянджеви в былые годы.
Ничто не ново под Луной,
И всё же, моему народу
Дарован век и путь иной,
Свои дела, свои задачи,
Свои же поводы для плача;
Что изменилось за века –
Уместно отразить в строках.
Хотя, не менее уместно,
Что неизменно – показать,
Былое с будущим связать
Каналом нынешнего тесным,
Чтоб бурный времени поток
Прошил историю мостом.

Бед человечьих список вечен:
Богатым злато застит ум,
Ценней людей пустые вещи,
Интриги хитрецы плетут,
А добряки прощают подлость,
Чтобы потом с печалью вспомнить
Предупреждения о том,
Что плох союз мышей с котом!
Однако, каждая эпоха
Живёт, как будто никогда
В веках подобная беда
Не возникала – ибо плохо
В портретах грешников былых
Мы различаем нас самих.

Да что таить – я сам, бывает,
Лишь зеркалами глаз друзей
Воспользовавшись, понимаю,
Что не всегда и не совсем
Прав в принимаемых решеньях.
А ты, кто стал моей мишенью,
Мнишь, прикрывая лик рукой
Уверить всех, что не такой?
Родства портретного не видя,
В тиранах древности седой,
Ты той же порождён бедой,
И тот же вред в итоге выйдет:
Укрыт в неведеньи порок,
Но проявится, дай лишь срок!

Калам – не кисть, но им смогу я
Такие выписать черты,
Что снять с себя вину-другую
Уже легко не сможешь ты,
По спеси, злобе или лени
Узнают плута, без сомнений,
Все, кто знаком с тобой хоть чуть.
Я увяжу словами суть,
Вплету в привычные картины –
И всяк, как в зеркале пруда,
Там разглядит себя всегда,
Кто – в чистоте, кто – в мутной тине,
А позже – дети, в свете фраз,
Уже себя увидят в нас!

Однако, людям нужен повод
Вглядеться глубже в зеркала.
Пугает то, что слишком ново,
Зато минувшего дела
Влекут к себе с немалой силой.
И лучше, взяв, что прежде было,
Под новым соусом подать.
Лицо знакомое всегда
Скорей доверие получит,
А в книгах, что давно читал,
Нам проще отыскать места,
Где скрыто важное. И лучше
Идти нахоженным путём.
А значит, им мы и пойдём!

Не будем нарушать традиций:
Пускай читатель здесь найдёт
Привычные, всё те же лица,
Событий тот же в целом ход,
С которым все давно знакомы, –
Тем в окружении таком он
Прочувствует острее, как
Особенности языка
На восприятие влияют.
Поступки ближе и ясней,
Герои кажутся родней,
Когда в устах их речь родная,
И злоупотреблений ряд
Из тех, что здесь, не там творят!

Что сделал Низами основой,
Что Дехлеви в образчик взял,
Переработаю – и снова,
Уже по-тюркски рассказать
Я в новом постараюсь свете.
У Низами за всё в ответе
Любви возвышенная мощь,
А у Хосрова – рок. Ну, что ж,
Попробуем взглянуть иначе!
Когда придёт пора тебе
Противодействовать судьбе,
Ты упадёшь, молясь и плача,
Иль гордо ввысь глаза подняв,
Начнёшь доказывать, что прав?

Аллах недаром дал нам волю,
И уж, наверное, хотел
Чтоб мы не поддаваясь боли
И страху, за итоги дел
Своих несли ответ послушно,
Покой и мир впуская в души –
А не покорно шил под нож,
Не осознав, чем нехорош
Такой или иной наш выбор.
Дитя рыдает, встретив боль –
Кто духом зрел – даст боли бой,
У злой судьбы полшанса выбив.
Кто сделал для успеха всё –
Тому лишь в жизни и везёт!

Я не возвышенных героев
Живописать во славе их –
Слегка поэму перестроив,
Людей описывать земных
Хочу в стихах. Таких, чтоб были
Подобны нам с тобой. Любили
И выбор совершали свой
Сообразуясь с головой –
А после слушали бы сердце,
И поступали поперёк
Расчётов, двигались вперёд
Не поддаваясь страху смерти.
Я превращу в героев тех,
С кем рядом быть бы сам хотел.

Гули! Свежей и чище лилий.
Ты от меня давно вдали,
Но знай, что двое не забыли,
Как имя пишется. Гули –
Не повернутся снова губы
Покой души нарушить грубо,
Я назову тебя Лейли –
Но сердце всё равно болит.
Лейли нескромную Хосрова,
Что Кайса встретиться звала,
Раз невоспитанна была,
Я изгоняю прочь сурово –
И заменю её хитро́:
Ты за неё исполнишь роль!

Свою любовь увековечу
В словах, текущих, как вода.
Гранит крошится! Словно свечи
Горят людские города,
Всё губит времени отрава –
Проходит полководцев слава,
Скрывает воды рек песок,
Как солнца свет – полночный сон,
Но если жив узбек последний,
Что речь родную не забыл,
Он ту, которую любил
Поэт, припомнит – тенью бледной,
Словами страсти при Луне
Своей подруге иль жене!

Никто не различит подмены.
Глаза читателя слепы́:
Поверхность вод скрывает пена,
Былое прячется под пыль,
Красивый почерк вязью слова
Взор отвлекает от основы,
Будь правда даже на виду –
С улыбкой многие пройдут,
Её не узнавая, мимо.
Быть может, скажут через век:
Не удался́, видать, ответ,
И получился очень милый,
Но слишком вольный перевод,
Что силой прошлого живёт!

Однако, как же быть с героем?
Прошли великих времена?
Несправедливо мир устроен,
Порой нуждается страна
В уме и храбрости отменных,
Но не найти в дворцовых сте́нах
Для света мудрости щелей:
Там соревнуются во зле.
Но нет поэзии преграды!
Пускай стареющий Хусейн
И превращается в кисель, –
Был в юности не чужд он правды,
Возьмём того Хусейна суть
И доработаем чуть-чуть.

Очистим пыл его любовный
От плотских пагубных страстей,
Его готовностью наполним
Жить ради цели в простоте;
Слегка подправим тягу к власти,
Чтоб больше он стремился
к счастью,
Желая разделить на всех
Богатство, славу и успех;
Положим мысли о народе
В уме на видные места;
Пусть будут ум и красота
Едины, вопреки природе,
И, мудрость суфиев вложив,
Помолимся, чтоб вышел жив!

Фархад получится отменный!
Хусейн бы тоже был таким,
Когда бы вырвался из плена
Сперва страстей, потом – тоски,
Теперь – вина и славословий.
С упорством истинно воловьим,
Как часто мы себя ведём
В загон, откуда не найдём
Уже пути наружу сами,
Но тех, кто хочет нам помочь,
Мы в гневе прогоняем прочь!
Вот польза всяческих писаний:
В них можно, капельку приврав,
Дать ангельский герою нрав.

А впрочем, глупостей изрядно
Наделают Фархад и Кайс!
Иначе будет очень складным,
Но быстро кончится рассказ –
Аллаху одному известны
Все ненаписанные песни
И все поэмы наперёд,
Всем прочим, – что произойдёт,
Жизнь открывает постепенно,
И не подскажет, в чём сюжет!
Тот угадает – этот нет,
К развязке скользкие ступени
Ведут, а не боится тот,
Кто вверх и вовсе не идёт.

Но кое-что добавить надо:
Реальный мир с мечтами врозь,
В поэме с милой буду рядом,
Коль жизнь прожить не довелось.
Свои черты придам героям.
Пускай Фархад полюбит строить,
А Кайс исправит выбор мой,
Связав с любовью путь земной.
Пусть власть для них не смыслом
станет,
А инструментом в их руках.
Что странным кажется пока,
То, повторяя неустанно,
Как цель, за несколько веков
Привычным сделаем легко.

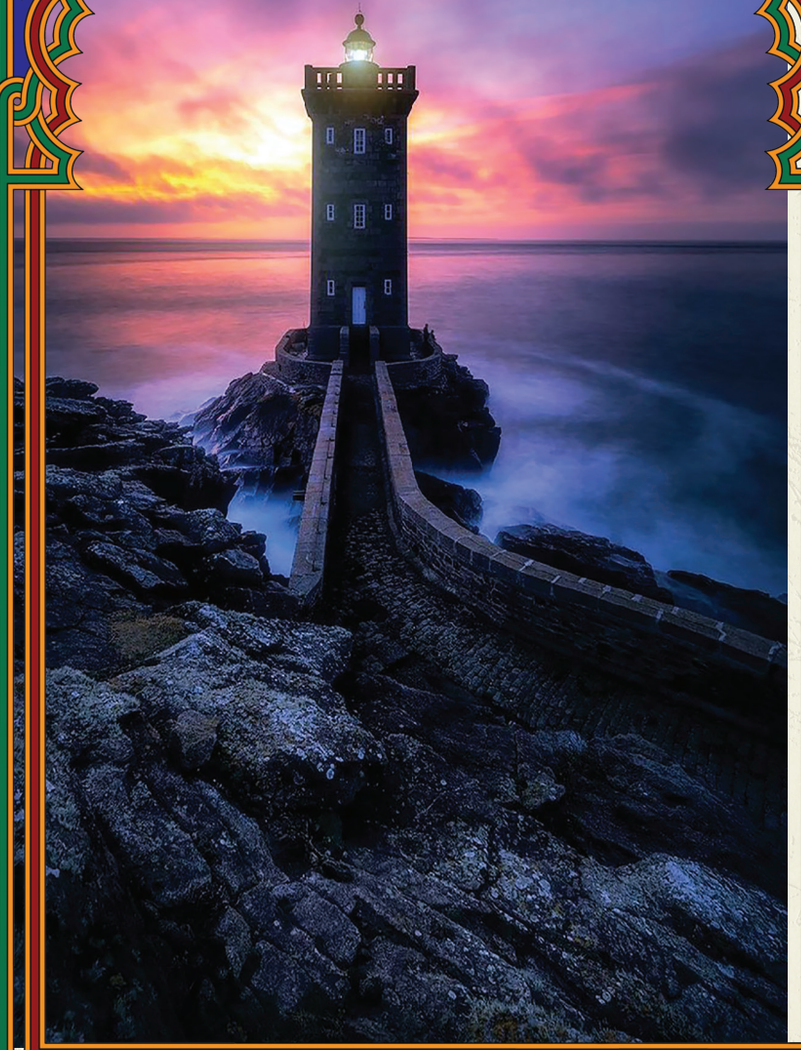
Наступит неизбежно время,
Когда не сила, не родство,
А лишь в согласии со всеми
Способность править, опыт свой,
Прямой дорогой к трону лягут.
Когда простонародья благо
Дороже будет для властей,
Чем подхалимы всех мастей,
Карман набитый или брюхо,
Когда людских печалей счёт
Опять на убыль потечёт,
Когда вельможе хватит слуха,
Чтоб различать народа глас
Ясней и чётче, чем сейчас!

Что ныне кажется чудесным,
Назавтра – дел привычный ход.
Пока же – пусть хотя бы в песнях,
В поэмах правда расцветёт.
Пусть люди слышат песню мира,
Чтоб мир из войн кровавых вырос
На удивление глупцам.
Однажды воин сложит сам
У ног своих клинок и латы,
С предплечья сбросит груз щита:
Не человек, а нищета,
Жестокость, жадность – враг
заклятый!
Не совладать с такими нам,
Покуда царствует война.

В полках противника такого
Злодеи – в роли мелких слуг:
Вражды убийственное слово
За властелином вечно вслух
Они бездумно повторяют,
Чтоб, разрушая, разоряя,
Всё на традиции списать,
Чтоб строгим совести весам
Подсунуть порченые гири,
Твердят: иного нет пути,
Вернуть утраченное, мстить –
Дела воистину благие,
Цель благородна и чиста!
… Но кровь невинных льётся там,

Где цель оправдывает средства!
А значит, мести новый круг,
Борьба с соседом за наследство,
Что предок выпустил из рук,
Грабёж под видом честной дани,
Расправы в масках наказаний,
Поля, истоптанные в прах,
В которых ненависть и страх
Одни произрастают густо…
Читатель скажет: что за чушь?
Ожесточённому мечу
Как противостоит искусство?
Под сталью устоит едва
На мягкой шее голова!

Рецепт простой: лишь время лечит
Всю глубину душевных ран,
И если только вам на плечи
Аллах не водрузил кочан,
В строках возвышенных встречая
Героя с пылкими речами,
Что ради правды примет смерть,
Вы знаете, с кого пример,
Достойно брать достойным людям.
Пусть по герою наша скорбь
Звездой сияет, суд же, скор,
Деянья подлеца́ осудит –
Поэма станет маяком
Тем, кто со злобой не знаком.

Возьмём рукой грехи Хусейна
Вмешаем горсть грехов моих,
Зальём в сосуд, известный всем нам,
И свяжем нитями интриг,
Добавим ряд оттенков новых –
И вот готов портрет Хосрова,
И в нём, как в зеркале, тиран
Любой из подчинённых стран
Себя узнает непременно.
Так век за веком, проходя,
Привычку в людях породят
Тиранам находить замену,
Ещё задолго до того,
Как те добьются своего.

Ничто не будет большим благом,
Чем благочестие властей!
Не только воину отвага
Нужна, без смелости везде
Ходить приходится кругами.
В борьбе с бессмертными врагами,
Зовущимися: жадность, гнев,
Лень, глупость, похоть – даже лев
Сдаётся и бежит гиеной,
Трусливо поджимая хвост!
Встать перед ними в полный рост,
Разить повсюду неизменно –
Да много ль храбрецов таких,
Что устояли против них?

Возьмём всевластие эмиров,
Умножим гордостью вельмож,
Прибавим жажды править миром,
Не дав на то в достатке мощь,
Всё это извлечём из рамок –
И вот готов портрет Бахрама.
Таких найдёшь и во дворце,
И в самом нищенском конце,
Где власти всей – тиранить близких.
Его запомни хорошо,
И, в ком бы сходство ни нашёл,
Беги от отношений низких –
И, может, в будущие дни
Лишь в сказках встретятся они.

Уж так заведено природой:
Пускай правитель и тиран,
В нём плоть и дух его народа.
Мавераннахр или Иран,
Герат, безвестная деревня –
Закон преемственности древний
Всегда приводит к власти тех,
В ком есть помалу ото всех;
Преувеличенные кратно,
Дурные стороны его –
Лишь отраженье твоего
Лица, читатель. И понятно:
Нам власти не видать иной,
Не вырвав сорное зерно.

Однако главного героя
Непросто будет разглядеть!
Несовершенно глаз устроен,
Упорно ищет он везде,
Что на виду, ничем не скрыто,
Как свет дневной, кругом разлитый:
Мы различим любой предмет,
Но вспомним ли, что видим свет?
Кайс и Лейли, Ширин с Фархадом,
Бахрам, Хосров и Искандер,
Хороший и плохой пример,
И люди, все, что с ними рядом, –
Всё мотыльки, чей век - лишь миг.
Герой хамсы – родной язык!

Его ритмичные напевы
Хранят историю в себе:
В них звук кочевья, голос гнева,
Стук кетменя; из бейта в бейт
Его меняется звучанье:
Вот – слёзы капают печально,
И вот уже кипит восторг,
А вот – врубается, жесток,
Клинок, звеня, в броню чужую...
А следом – горестный покой,
Победа пополам с тоской.
Его великим нахожу я,
Надеюсь, что вкусишь и ты
Его, читатель, красоты!

Тюркӣ, созвучием богатый,
Поэту – золотое дно!
В том кто-то видит недостаток,
Что смыслы разные одно
В себе скрывает часто слово,
Но для туюга нет второго
Такого в мире языка!
Соединяя в трёх строках
Оттенки разные значений,
Писать попробуй рубаи;
В строке, попробуй, утаи
Сравнений тайное теченье,
Чтоб через бейт его раскрыть
Свив с основным в тугую нить.

Дают созвучия намёки,
Когда создатель знает толк,
А глаз читателя намётан
И различает сквозь поток
Прямых значений смысл скрытый –
Он, будто престарелый мытарь,
Сколь вы ни спрячете хитро,
В кармане тайном серебро
Отыщет с первого же взгляда.
Герой с собакой дружен стал?
Намёка суть весьма проста:
Ему не быть с любимой рядом,
Скорей убраться надлежит,
И прочь подталкивает жизнь.

Ширин в себе скрывает сладость
Речей, духóв и тростника;
Богатство образов – не слабость,
Благословенье языка!
Так под одеждой многослойной
Сокрыта прелесть девы знойной –
Но тем желание сильней,
Чем добираться дольше к ней!
Любой язык вели́к в основе,
Лишь нужен мастер, чтобы смог
Удачный выбрать стиль и слог,
И глубину в привычном слове
Тем показать, кто между дел
Обычных сам не разглядел.

Поэзия – игра словами,
Где стрелы слов летят в сердца:
Их словно в кузнице ковали,
Уча доспехи проницать
Из равнодушия и спеси –
Одна стрела немного весит,
Но бронебойной остроты,
Талант оттачивая, ты
Добейся, тетиву рассудка
На лук раздумий натяни –
Лучом, зажёгшимся в тени,
Глубин души достигнет чутких,
И слёзы вызовет, и смех,
В том, кто на вид черствее всех.

Когда мечом владеет воин,
Его молва превознесёт,
Однако, почестей достоин
Возможно, даже больше тот,
Чьих слов клинки острее стали,
Кто книги тонкими листами
Способен поразить полки
Движением одной руки!
И всё же, в выборе орудий
Всяк будет мерить по себе:
Когда слова не лезут в бейт,
Когда язык в звучаньи труден, –
Какой герою в битве толк
Тупой использовать клинок?

И в этом вижу я задачу:
Узбек, барлас и чагатай
Посмотрят на себя иначе,
Когда их речь – другим чета,
Когда привитый с детства говор,
В оценок цепи не закован,
Зальётся соловьём в лесу –
Вот для чего пишу хамсу!
Я верю в свой народ великий,
И горд его поэтом быть,
Рад воспевать его, любить –
Пусть этот мир многоязыкий
Впитает тюркский глубоко
В ряду прекрасных языков!

Где Низами построил замок,
Я – рядом скромное жильё
Из глины слов и рифм вязанок
Сооружу себе своё.
Я не нуждаюсь в восхваленьях,
Трудясь во славу поколений
Сынов народа моего –
И мне достаточно того!
Но это скромное жилище
Украсят жемчуга и лал,
Из языка, что ниспослал
Аллах – изысканную пищу
Я приготовлю для души,
Достичь стремящейся вершин.

Но мир, увы, не совершенен.
Не всякий из моих гостей
След тонких чувственных движений
Увидит в буквах на листе.
Будь сам рассказ для них приятен,
Пусть тонкий образ не понять им,
Но разберутся без затей,
Кто – молодец, а кто – злодей,
Какой отсюда сделать вывод,
Мораль поэмы какова?
Порой бывает, что слова,
Как зёрна – в щебень без полива,
Бросаем понапрасну мы
В непросвещённые умы.

Тот, кто к искусству непричастен,
Меня, усмешки не тая,
Бывает, спросит: вправду счастье
В стихах найти надеюсь я?
Пускай себе – но для народа
Газель изысканная вроде
Орла, глядящего с небес:
Что птицы нет, что птица есть, –
Не легче плуг, земля не мягче,
Не уменьшается налог…
Мир иногда не так уж плох,
Но – для живущих настоящим,
А вам, парящим в облаках,
Реальность будет нелегка.

Вам с вышины всё слишком мелко,
Фантазий носят вас ветра,
Лишь незначительной отметкой
На карте кажется гора,
Шнурком – река, а пропасть – тенью,
Но если в мыслях вы отдельно,
То тело тою же тропой
Штурмует склон со всей толпой,
Камней не чуя под ногами,
Не уклоняясь от лавин –
Когда б сосед вас не ловил,
Давно бы обнимали камень
На дне ущелья, в темноте
Найдя последнюю постель.

О, я и сам, не зная лени,
Писáть способен без конца,
Как у живущих поколений
Ожесточаются сердца,
Как побеждает век железный,
И то, что прямо не полезно
И рост дохода не даёт,
На свалку брошенным сгниёт.
Однако старости брюзжанье
Поэту вовсе не к лицу.
Его задача – видеть суть:
Все не за ним ли побежали,
Увидевшим с высот своих,
Что за горой лежит от них?

Талант не в том, чтоб выбрав позу
Встать монументом над людьми,
А чтобы незаметно пользу
Нести в страстями полный мир,
Чтоб, горизонты открывая,
Любовь к познанию живая
Вела нас к новым берегам,
Уму покоя и ногам
Не разрешая свыше меры.
В ком страсти нет – такого тут
Не зря покойником зовут,
В ком выше разума и веры
Всесильных чувств водоворот –
Зовёт безумными народ.

Так, путь провешивая прочим,
Их за собой ведёт поэт:
Тут – мост над пропастью
непрочен,
Там – в бурных водах брода нет,
Здесь – заболочена равнина,
И надо вереницей длинной
Меж ложных образцов идти,
Не сбившись с верного пути,
Шаг влево-вправо – всё пропало,
По кру́гу вновь – болезнь, война,
Тиран, согбенная спина,
Несправедливость… И с начала,
Быть может, через много лет,
Начнёт уже другой поэт.

Искусство – слепок с идеала.
Не только услаждать нам глаз
И слух Аллахом создавалось
Всё то, что привлекает нас!
Нам не постичь его резонов –
Но тонко план реализован,
И всё продумано вполне.
Кто стал богаче и сильней,
Порой утрачивает душу,
Когда, в погоне за мирским,
Он ограничится людским,
Забыв божественное слушать,
И, к совершенству не стремясь,
В одном достатке видит власть.

Нельзя взлететь, не глядя в небо,
И плыть, не ведая глубин!
Не будешь сыт единым хлебом,
Без творчества народ бы был
Звериному подобен стаду.
...Однако, мне работать надо,
Иначе иначе не видать хамсе
Конца хорошего совсем.
Что напишу об Искандере?
Немало сказано о нём,
И как же дело повернём?
Быть может, на его примере,
Пристало показать для всех
Что слишком краток славы век?

Правитель половины мира,
Он был по юности неглуп,
Стремился к знаниям, но – вырос
И скальпель обратил в колун:
Универсальные законы
Оставил открывать учёным,
И принялся́ рубить, крушить
В стремлении достичь вершин,
Но не ума – а только власти.
Да, он и впрямь великим был,
И свой народ объединил,
Но и виновен в том отчасти,
Что после смерти все дела
На части свита порвала́!

Что он герой – в том нет сомнений!
Не зная страха и преград,
Умело в череде сражений
Ум применял, переиграв
Своих противников вчистую.
Но, если вдуматься, какую
Он мог бы пользу принести,
Пойдя по мирному пути!
Власть развращает, отупляет,
А безнаказанности чад
Не позволяет замечать,
Как разум, гневом опаляем,
Всё норовит тебя вести
По недостойному пути!

Меж тем пороки процветают,
И меч бессилен против них,
Подобно змеям, вырастают
Из крови недругов твоих:
То, что творилось ради чести,
Становится причиной мести,
А что достигнуто войной –
И приведёт лишь к ней одной!
Когда бы мудрости сапфиры
Что Арасту́ ему дарил,
Он воплощал, по мере сил,
Чтоб от зенита до надира
Людская кровь не разлилась,
Его прочней была бы власть!

Он прожил жизнь звезды летучей:
Вмиг осветил и напугал!
Но небо затянули тучи,
Звезда же к дальним берегам
Ушла в сиянии и славе,
Оставив мрак над миром править,
Потомкам света смерть даря
Во имя нового царя.
Так пусть послужит нам уроком!
Раз величайший из царей
У жизни на краю прозрел,
Достигнув края раньше срока,
Что большинству даёт Аллах,
И понял, что в своих делах

Скопил он столь ничтожно мало
Богатств, пригодных для небес,
И всё, что доблесть добывала,
Стервятникам оставит здесь,
Уж если Искандер Великий,
Что не склонял пред смертью лика,
В итоге на колено пал –
Кто рядом с ним ничтожно мал,
Ужели сможет исхитриться
Мирское протащить за грань?
Построит семь дворцов Бахрам –
И вот, живут в чертогах птицы,
Он не боялся никого –
И не найти следов его…

Но в размышлениях об этом,
Мне мысль покоя не даёт:
Таланта хватит ли поэту?
Мой тар достойно ли споёт?
Слова, что ныне сердцу милы,
Не унесу ли я в могилу,
И, нос возвысив к небесам,
Быть может, заношусь я сам,
Берясь за дело не по силе?
Вдруг, хорохорясь, что смогу,
Я лишь себе безбожно лгу,
Не будучи достоин пыли
Из книг поэтов прошлых лет?
Сомнений в целях вовсе нет,

Я горд принадлежать к народу,
Что населяет Хорасан,
Переживать его невзгоды
И красоту живописать,
Трудиться с ним под небом общим
Не вознося его над прочим
Людей сообществом земным,
Но и не кланяясь иным!
Тончайшим инструментом речи
Родной владеем с давних пор,
Не только брань и разговор
На языке доступны: лечим
И губим, силы придаём,
Стихи прекрасные на нём

Творим, за чем же дело стало?
Где бейт – там и касыда. Что ж,
Зачем довольствоваться малым?
Своё старание умножь,
Пиши, поэт, поэма – крепни! –
Жужжит назойливее слепня
Пустая гордость изнутри.
Но только глубже посмотри:
Легко, разлив поток словесный,
Заполнить тысячу листов,
Но не найти и сотни слов,
Чтоб на своём стояли месте,
И в сочетании таком
Читались чётко и легко,

И суть передавали ясно,
И смыслов множество несли.
Бек в одеянии атласном,
И нищий – рубище в пыли,
Могли бы ра́вно восхищаться
И находить крупицу счастья
От осознания того,
Что в этом доля есть его
Привычных слов, знакомых мыслей…
Дай сил, Аллах, не оплошать.
Дай время, чтобы, не спеша,
Для моря слов основу выстлать
Своим умением слова
В цепочки звонкие свивать.

Вот и ответ на все вопросы!
Что можешь – делай, не страшась.
Есть лишь один, в чьих силах –
просто
Любые сложности решать!
Всех прочих путь – работать
честно.
И прилагать старанья к месту,
Что свыше определено.
И если нам судьбой дано
Успеть желанное исполнить,
Пока в глазах не меркнет свет,
Не гаснет разум в голове,
Не наступила жизни полночь –
Ему оставим нас судить,
И – будь что будет впереди!

Итак, начнём. Неторопливо,
Но не откладывая вдаль.
Росток нуждается в поливе,
Чтоб в будущем достойный дал,
Окрепнув, урожай владельцу.
Трудись, ухаживай, надейся,
Что результат твоих забот
Ни конь копытом не собьёт,
Ни мутный сель в овраг не смоет,
Глупец не вырубит на жердь,
А самого не скосит смерть,
Оставив позади земное –
Но спешка – зло, молва не врёт:
Всё вызревает в свой черёд!

Когда ясна вперёд дорога,
И цель достойная видна,
Мне остаётся лишь, не дрогнув,
Что предначертано, сполна
Принять – и в путь легко пуститься,
Как в срок свой улетают птицы,
Не сожалея о гнезде.
При том, что я останусь здесь,
В местах родных и с детства милых!
Чтоб совершенный результат
Перед читателем предстал,
Я собираю всё, что было,
О чём мечтал и что любил,
И сказку превращаю в быль.

...Дела в сомнениях вершатся.
В начале всех великих дел
Любой обдумывает шансы
Того достичь, чего хотел,
Находит цели, строит планы,
Меняет, правит неустанно,
И сомневается в себе.
Но лишь подходит мысли бег
К тому, чтоб начинать работу –
Тут и откроется, каков
Герой взаправду. Далеко
Уйти навряд ли сможет кто-то,
Кто, в выси мыслями кружа,
Забудет сделать первый шаг.

Да, нам известно, мой читатель,
Что Навои – не из таких.
Прост языку, уму приятен
Его неповторимый стих,
Его закончена поэма –
И признана великой всеми,
Кто сам поэзии не чужд.
Но различить всё море чувств,
Что в ней разлил её создатель,
Увы, не каждому дано.
Ведь многим нужно только дно,
Что там лежит, хотелось знать им;
О чудесах, что в толще вод,
Порой не ведает народ!

Её считают переводом –
Теряя за сюжетом смысл.
Казалось бы, всё просто, вот он,
Лишь посерьёзнее возьмись, –
Вдруг ускользает суть в тумане;
Знакомыми словами ма́нит,
Висит в пустыне миражом,
Но только путник, поражён,
Спешит прильнуть к желанной
влаге –
Всё рассыпается в песок!
И ветер времени несёт
Его крупицы по бумаге,
Стирая прошлого черты,
В которых потерялся ты.

А в них и скрыт секрет успеха!
Особенности языка,
Чуть смещены историй вехи,
Чуть больше правды в их строках,
И вот итог – живые люди
Встречаются, друг друга любят
И ненавидят, зло вершат,
Глупят, геройствуют, грешат…
Привычной сказки взяв основу,
И жизнь сумев в неё вдохнуть,
Поэт отправил в дальний путь
Не из обломков плот, а новый
Корабль по старым чертежам,
Традициями дорожа.

Однако, перед нами тоже
Лежит дороги полотно:
Ведь наш герой немало пожил,
И дел великих не одно
Успел свершить, хамсу закончив.
Пускай рассказ не очень точен –
На то историков орда
Для любопытных есть всегда.
А здесь дано легендам место,
Давай опять вернёмся к ним.
Наш Алишер судьбой храним,
Но пламенем дурные вести
Бегут к нему со всех сторон…
И как теперь поступит он?

Шаг пятый.

ИСПЫТАНИЕ ДУХА.

Если осы сомнений роятся в груди, –
Можешь выбрать дорогу? Не думай, иди!

Солнца лик заслонят облака в вышине –
Чтобы выйти из тени, быстрее иди!

Вся в рыданиях пери уходит – скорей,
Гордость стисни в кулак и не медли, иди!

Стонут земли родные от вражьих копыт –
На других не надейся, вставай и иди.

Плачет сын долгожданный от боли в ночи –
Не проснувшись, постель покидай и иди.

Догоняет злорадная старость, пыхтя –
Не спеша отряхнись от песка – и иди!

Критик к чёрту послал и тебя и газель?
Карнайчи, путь тернист у великих. Иди!

Когда задор угаснет юный,
И сила зрелости уйдёт,
О вечном ангелы поют нам,
И кажется, настал черёд
Оставить суетные мысли
И струны, что давно обвисли,
Не рвать дрожащею рукой,
А выбрать мудрость и покой.
Когда пришла пора такая,
Возможно, лучший выбор наш,
Оставив всё, пуститься в хадж,
Тропой, натоптанной веками,
Пройти, чтоб под конец понять:
«А мир не рухнул без меня!»

Не растеряли воду реки,
И гор не стёрли в пыль ветра,
Казалось, заменить нас некем,
Но, глядь, – другие мастера
Уже сидят на нашем месте,
А с нами без привычной лести
Наш подчинённый говорит.
Кому творить – без нас творит,
Уже стоят чужие ноги,
И неумелые шаги
Их к целям выведут другим
По нами созданной дороге –
И, сбросив гордости балласт,
Мы на покой меняем власть.

Смотри, поэт! Великий город
Тобой украшен был стократ.
Закончивший постройку скоро,
Работник носит твой халат.
Тобой истраченные средства
В веках останутся наследством
И память добрую твою
Безмолвно людям воспоют.
Но ты родился в век жестокий,
А кровь течёт быстрей чернил!
Каких ни вкладываешь сил –
Не сосчитать на пальцах, скольких
Ты не успел, не мог спасти
На долгом жизненном пути.

И вот опять, стоит, задумчив,
В пространство глядя, Навои.
На небо набежали тучи,
От мира Солнце утаив.
Устав от непростых вопросов,
Вчера он, между прочим, бросил
Друзьям в беседе, что готов
Начать свой хадж без лишних слов.
Довольно суеты, сомнений,
Пора пуститься в дальний путь!
Дела продолжит кто-нибудь,
Уж время новых поколений
Принять заботы на плечо,
Оставив старикам – почёт!

За столько лет трудов упорных,
Так малого поэт достиг!
Пока решал, какие формы
Придаст стихам для новых книг,
Дворец интриги захлестнули,
И горя многие хлебнули!
Среди хусейновых детей
Как водится, сыскались те,
Кто жаждал в очереди к трону
Помочь себе поближе встать.
Да и отец не так уж стар,
Хоть увяданием и тронут,
И не желает умереть,
Пока они во цвете лет!

Вот результат пренебреженья
Что прежде проявил султан!
Обманчиво простых решений
Пришла пора созреть плодам.
В своих страстях неутолимых
Набравшись силы, подхалимы
Смыкают душные ряды –
В глаза султану пыль и дым,
А за спиной – кроят державу!
И воспитание детей,
Как видно, поручал не тем:
Великого Тимура славу
Рвут, словно псы, на лоскуты,
Отбросив пред Всевышним стыд!

А сам Хусейн – сентиментален,
На женщин падок и вино –
И нити тянутся из спален
К его рукам уже давно,
Визирь с женой вступают в сговор –
И вот, судом бесправным, скорым,
По слову деда внук казнён!
Придворной заняты вознёй,
Забыли гордые о долге,
Всё делят, делят – деньги, трон,
И всё слышней народа стон!
Но время гордости – не долго,
Воздастся каждому, таков
Аллаха праведный закон.

Что ж, знать, пора дела земные
Передавать другим рукам,
Раз силы нет в своих. Отныне,
Покуда времени река
Ещё на дно не утащила,
И кровь, тепла, струится в жилах,
Пора подумать о душе.
Чалма зелёная уже
Мир Алишеру будет впору,
И – шутки в сторону. Вперёд,
Судьбы последний поворот
Уводит прочь – оставить город,
Интриг охваченный огнём.
Поэт не нужен больше в нём!

Но надо с Байкарой проститься,
Пусть худ султан – но верен друг!
... Окутаны печалью лица
У всех прохожих стали вдруг.
В глазах – безмолвная тревога.
Да что такое, ради Бога!
Неужто новая беда
Пришла, когда никто не ждал?
Хоть Навои решенье принял –
Но беспокоен Алишер.
В клубок смотался каждый нерв,
В узлах ладони, вместо линий,
А сердце – будто барабан.
Совсем запуталась судьба.

Приятель детских лет радушно
Встречал поэта во дворце.
Но прежде чем решил послушать,
В чём состоит визита цель,
Сам изливал свои обиды.
Уже давно не грозен с виду,
А грузен и нетороплив,
Переживая сил отлив
С обычной для всесильных скорбью,
Он был растерян, как дитя.
Так годы неизбежно мстят:
Тот, кто войной единой вскормлен,
Бывает жалок и уныл,
Став непригодным для войны.

Ещё поддерживаем властью,
И уважением людским,
И другом Алишером, к счастью,
Хусейн ещё не стал таким,
А потому, довольно скоро
Сменил он тему разговора,
Спросив у Навои: «Так что,
Брат, привело тебя в притон,
Который зря дворцом зовётся
Людьми, что судят по верхам:
На вид снаружи – дивный храм
С нутром змеиного колодца?»
«Скажи мне – доброго пути!
Хочу я Мекку посетить…»

«Зачем тебе, мой друг, святыни?
Всю жизнь довольствовался ты
Настолько благами простыми,
Что стал святее всех святых!
Я не хотел бы быть помехой,
Но не тебе пристало в Мекку,
А многим вместо Мекки путь
К Герату стоило б свернуть,
Чтоб вознести хвалу Аллаху!
В тебе – его бессмертный дух,
Ты останавливал вражду,
Ты поднимал страну из праха,
Ты был опорой для людей,
Кааба для тебя – везде!»

«Слова! Но нет внутри покоя,
И не помогут речи тут.
Мы в жизни видели такое,
Что ложью многие сочтут,
И что ни день – то лжи всё больше!
Признать, что свят? Избавь нас,
Боже,
Вот так себя превозносить!» –
«Так ты всерьёз меня просил?
Э-э, нет, приятель! Плохо дело,
Меня оставишь одного?
Здесь положиться на кого
В твоё отсутствие я смело
Могу, сперва мне предложи –
И хоть куда свой путь держи!»

«Мой повелитель! Неустанно
Тебе советы я давал,
Когда визирем был. Не стану
Вновь возвращаться к тем словам,
Но посуди: а много ль толку?
Увы, история жестока,
Коль быть несчастью суждено,
Ты в дверь его – оно в окно!
Мои деяния ничтожны:
Один придворный подхалим,
Сыграв с доверием твоим,
Им всем конец легко положит.
Невинен был Мумин-мирза –
Кто возвратит его назад?»

«Ничтожны все в глазах Аллаха,
Никак не избежать судьбы!
Порой правителя на плаху
Приводят бывшие рабы,
Но есть и то, что в нашей воле:
Когда наш друг смертельно болен,
Уже ли заставляет рок
Нас обходить его порог?
Пусть мы бессильны перед мраком,
Что в злых рождается сердцах –
Но рядом с другом до конца
Не так уж сложно быть, однако.
Ты вечно в мыслях о стране –
Но не забудь и обо мне!»

Поэт сказал: «Сейчас останусь,
А завтра – не найду пути.
Уже с порога машет старость,
Желая поскорей войти,
А вскоре – ввалится без спроса!
Забот не убывает россыпь,
Нет лучше времени для дел,
Чем сразу же, как захотел
За них приняться, дня не медля:
Едва отложишь на потом –
И суеты людской поток
В труху все планы перемелет,
И прежде, чем найдёшь момент,
Тебя уже на свете нет!»

«Не нахожу, – Хусейн промолвил. –
Чем удержать тебя, мой брат.
Не убоишься гневных молний,
И не смягчишься от наград,
К угрозам ра́вно глух и к лести –
Характер честный твой известен!
Но ради прежнего меня
Прошу – возьми ещё три дня
На размышление о хадже.
Решишь, что должен – не держу,
И самолично провожу
Из города с почётом даже!
Решишь не покидать Герат –
Я буду бесконечно рад!»

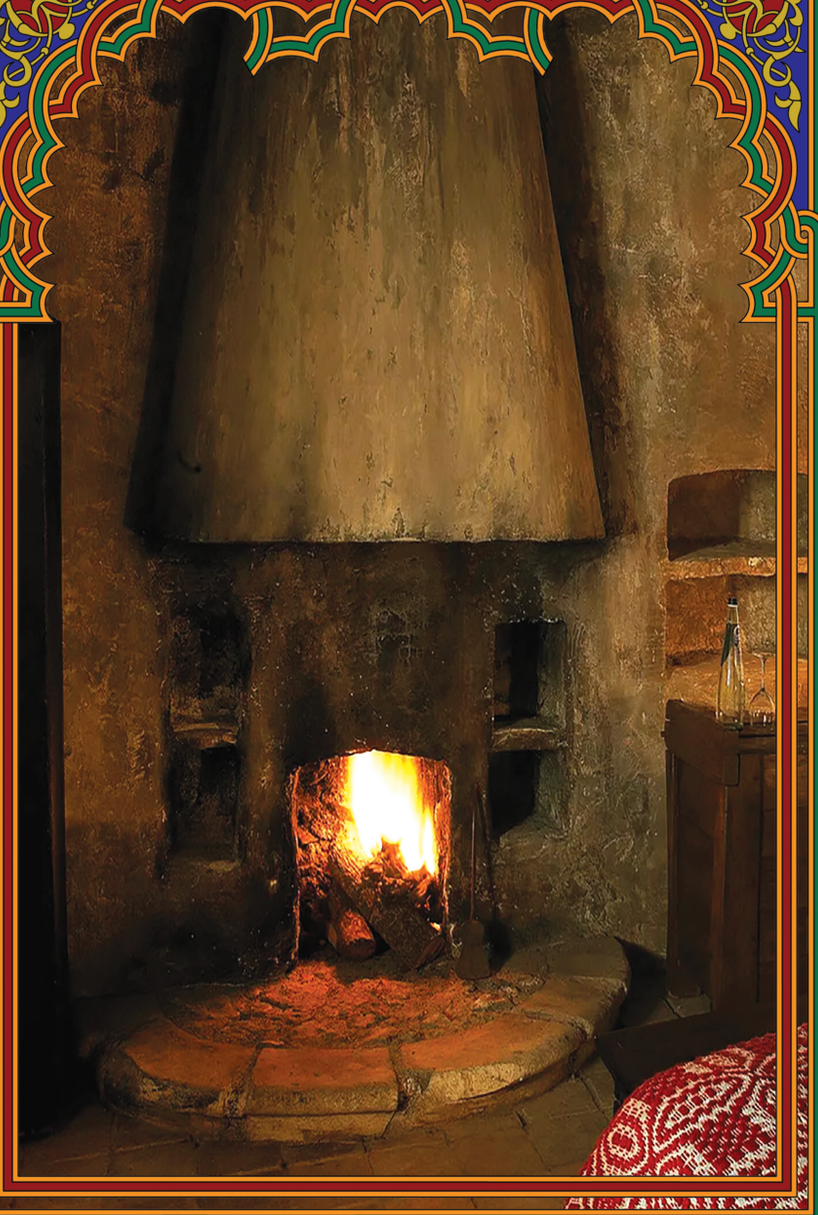
Давно общавшийся с поэтом,
Он знал, что мог бы приказать,
И пожалеть потом об этом,
Хотя, с покорностью в глазах,
Тот подчинился бы приказу,
Поскольку ставил выше разум,
Чем чувств безудержный порыв.
Но свой талант у Байкары!
Политик чувствует порою,
Что ветер сменится вот-вот,
И нос по ветру повернёт,
Когда все прочие в покое
Удерживают прежний курс
И перемен не чуют вкус.

А Алишер, вполне доволен,
Что был отпущен так легко
С благословением на волю,
Неторопливо шёл пешком,
И, города вдыхая воздух,
Пока ещё не слишком поздно,
Сияет солнце в вышине,
Старался городских камней
И стен впитать надёжно виды,
И лица встреченных людей,
Родней которых нет нигде…
Но почему опять обида,
Печаль, растерянность в глазах,
Видны и по пути назад?

Переходя неспешно площадь,
Поэт держался стороны.
Народ волнуется и ропщет,
Как в ожидании войны.
Не бесновались, не кричали,
Но ничего не замечали,
Шепчась друг с другом по углам.
Так обсуждают не дела,
А ураган, неурожаи,
Чумы смертельную напасть,
Или сменившуюся власть.
Что вас тревожит, горожане?
На этом мыслей быстрый бег
Прервал вопросом человек:

«Прости, прохожий, в этот город
Я попадаю в первый раз! –
Спокоен, вежлив, очень молод,
И – любопытство в бездне глаз. –
Ищу я человека. Может,
Ты в этом деле мне поможешь?» –
«О ком же поиски твои?» –
«Хочу увидеть Навои!
Ты улыбаешься? Да, знаю,
Он, верно, славен и велик,
Но мне хотя бы краткий миг,
Чтоб не напрасно жизнь земная
Была отныне прожита!» –
«Ну, что ж, идём! Мне тоже там

Дела решить бы кой-какие». –
«Его ты знаешь?» – «Я – сосед,
На расстоянии руки я
Живу с ним вот уж много лет!» –
«О, мне тебя послал Создатель!
Я слышал, он богат и знатен,
Но не чурается никак
Жить по примеру бедняка:
Халат залатан, в дырах крыша,
Простой очаг внутри горит…
А он всем, дескать, говорит,
Что Бог сквозь дыры лучше слышен!»
Поэт изрядно был смущён,
Но не спешил раскрыться он:

«Кто может говорить такое?
Про дыры в крыше – точно ложь,
И стол друзьям всегда накроют,
Да и халат – ещё хорош!» –
«Я знал, не стоит верить слухам!
Ещё я слышал: чутким ухом
Внимая пению светил,
Он дни проводит взаперти,
Не ест, не пьёт земную воду –
Лишь то вкушает, что Аллах
Ниспосылает для стола
На птичьих крыльях с небосвода,
И оттого стихи его
Небесным дышат волшебством!»

На это Алишер с улыбкой
Ответил юноше: «Вот тут
Хотя и с небольшой ошибкой,
Но, в общем, сплетники не врут.
Порой действительно бывает,
Что он про пищу забывает,
Когда в работу погружён,
Но, как и всем, еда и сон
Ему нужны в не меньшей мере,
Обед попробуй, пропусти –
И птицы в животе скрести
Начнут, а то и вовсе зверем,
Страх наводя на всех в ночи,
Желудок злобно заурчит!»

Так, от вопроса до вопроса,
Они и к дому подошли,
Оставив сплетен глупых россыпь
Валяться в уличной пылѝ.
Тут им дорогу преградила,
Встав у стены непроходимо
Фигура, мощная в плечах –
И диалог тотчас зачах.
А здоровяк, быком насупясь,
Вздохнул и опустил глаза,
И гулким шёпотом сказал:
«Тут меж рабочих ходит глупость,
Мне стыдно даже повторять…
Что покидаете Герат?»

«С чего же глупость? Ради хаджа,
Покуда силы есть ещё,
Уеду временно. И даже
Готов произвести расчёт
На год вперёд за все работы!»
В ответ: «Да что ты, Мастер!
Что ты!
Твоим участием я сыт,
Одеты дети, как часы
Материалы поставляют;
Что деньги – дорогой, но дым!
Одним лишь именем твоим
Нам в долг надолго доверяют.
Но без вниманья твоего,
Боюсь, не сталось бы чего!»

«Я не султан и не вельможа,
Моё внимание – пустяк.
Поверь, и сам ты также сможешь
Закончить стройку, мне не льстя!
А если впрямь одно лишь имя
Моё партнёрами твоими
Настолько ценится – владей
И применяй его везде,
Тебе его я доверяю!»
Тут сникли плечи, здоровяк
Вдруг погрустнел и враз обмяк.
В проход открывшийся ныряя,
Они вошли в широкий двор –
И смолк негромкий разговор.

Там, во дворе, людей немало,
В одежде разной и летах,
Волнуясь, что-то обсуждало.
Водой холодной разлита
Тревога пополам с печалью.
И тут все разом замолчали,
Завидев спутников едва.
Старик – седая голова,
Склонил её с улыбкой доброй,
У молодых вот-вот сорвать
Печать почтения слова
Готовы были, словно кобры,
Что от испуга насмерть бьют;
Отбросив холодность свою.

Тут был кузнец, поэт, строитель,
Учитель, лекарь, музыкант,
Знаток свершившихся событий
Историк – не один талант
Был благодарен Алишеру
За то, что тот в ученье веру
Распространял по мере сил,
И мзды за помощь не просил!
И все в смущении глядели
То на него, то на друзей –
Не договариваясь, все
Пришли узнать об общем деле:
И впрямь учитель их и брат
Покинет вскорости Герат?

Поэт всё понял без вопроса
И, улыбнувшись, произнёс:
«Решение далось непросто.
Война сменяется резнёй,
За ней – мятеж, потом – расправа…
Столь быстротечны жизнь и слава,
И жажда их столь велика,
Что, видимо, пройдут века,
Пока спокойное теченье
Поток событий обретёт.
Наш путь в историю вплетён,
Пускай пока – лишь слабой тенью,
Но верю: мудрости узор
Займёт однажды весь ковёр!

Однако это всё – в грядущем,
Сейчас же мне пора пришла
Доверенную Богом душу
Небесным посвятить делам.
До Мекки путь не так спокоен,
И ваш слуга – отнюдь не воин,
Зато на длительном пути
Раздумьям время посвятить
Смогу о том, что не давалось
Здесь, в бесконечной суете»…
«Пусть хадж устраивают те, –
Сказал старик. – В ком не осталось
Частицы Бога ни одной,
И вера показала дно!

Ты – голос этого народа
И совесть для его властей!
Мы – кости, в некотором роде,
Ты – сладкий мозг внутри костей,
Мы камни – ты раствор,
что скажет
Лишь слово, и в фундамент свяжет
Камней бессмысленный завал;
Ты тот, кого Аллах призвал
Скреплять страну в эпоху смуты!
Едва покинешь ты её –
Слетится мигом вороньё
На запах гнили – потому-то
Мы собрались не проводить,
А попросить: не уходи!»

Ответил Алишер: «В печали
Я оставляю город свой,
Но голос мой не различаем,
Когда звучит шакалий вой.
Когда в междоусобной брани
Отец и сын друг друга ранят,
Что может на изломе лет
Поделать бейтами поэт?
Коль не сумел я воспитать их,
Читая в юности стихи,
Теперь, когда они глухи́
К рассудку, вовсе я некстати!
Их примирил, насколько мог,
Теперь поможет только Бог!»

Второй, существенно моложе,
Но с лунным блеском на висках,
Сказал: «Не так я много пожил,
Но всюду истину искал,
Познать историю желая.
И мудрость времени живая
Мне, без сомнений, говорит:
Когда пожар в стране горит,
Не время класть талант на полку!
Ваш меньший дар – что вы поэт,
Советника надёжней нет!
От всех поэтов меньше толку,
Чем от визиря одного,
Что друг народа своего!

Примеры верности избиты
По сказкам знаем мы, как встарь
До смерти предан ар-Рашиду
Хоть им и предан, был Джафар.
Однако много ли найдёте
Таких, кто, в мыслях о народе,
О пользе собственной забыл?
Кого правитель так любил,
Что ни отставка, ни опала
Не разрубила дружбы нить?
Кого молва боготворить
Во все года не уставала?
И если вдруг уедет он –
То без опоры рухнет трон,

Настанет смута горше прежней!»
Поэт на это отвечал:
«Искатель истины прилежный,
Пусть светит разума свеча
И труд твой ярко освещает!
Вот только мысль меня смущает:
Ведь, если смута началась,
Что защитит? Богатство?
Власть?
Когда настало время тлена,
Судьбы тяжёлая рука
Разит не разбирая, как
С волны срывает буря пену!
Когда любимых не спасти –
Хотя бы душу защити!»

Повисла пауза немая.
Всем было ясно, что поэт
Всё понимая, принимая,
Сумеет каждому в ответ
Найти весьма резонный довод
На их призыв остаться дома.
Однако паузу прервал
Знакомый с бородой едва
Юнец, смущением и страстью
Охваченный в один момент:
«Учитель! Я немного лет
Тебе внимать имею счастье,
Но в это время я постиг
Гораздо больше, чем из книг

За годы долгие другие
Без мудрой помощи смогли!
Мы все одной ногой в могиле,
Как знать, вблизи или вдали;
Что ждёт нас, слава или плаха,
И вправду, всё в руках Аллаха.
Но разве не в твоих руках
Лежит судьба ученика?
Наш путь – опережая время,
Тот приближать великий век,
Когда ученья яркий свет
Любим и видим будет всеми,
На пять минут сойдя с пути,
Придётся лишний год идти!»

Поэт задумался немного,
И отвечал, смутясь слегка:
«Да, это трудная дорога,
И цель всё также далека,
И я, свернув, рискую очень,
Но быть в пути и днём, и ночью,
Творя добро, прощая зло,
Порой настолько тяжело,
Что, попытавшись взять наскоком
Людских пороков перевал,
Иной настолько уставал,
Что был снесён людским потоком
И не успел всего того,
Что мог по замыслам его.

Вам показалось, – я спокоен,
И нет сомнений на душе?
Мне представляется другое:
Я – словно камень на меже!
Принять решение не в силах,
Оставить то, что сердцу мило,
Но от чего на сердце боль,
Иль продолжать бескровный бой.
Но что меня склоняет к хаджу:
Лишь тот, кто к новому открыт,
Учителем достоин быть,
Кто недостаточно отважен,
Чтоб за родной ступить порог,
Какой другому даст урок?»

Беседа быстро угасала.
Кода всё важное сказал,
Нет смысла повторять с начала.
Друзья отправились назад,
Домой, обдумывать итоги.
Кончался день, и вечер долгий
Готов был превратиться в ночь,
И месяца блестящий нож
Уже готовился бесстрастно
Вчера от завтра отсекать.
Но разошлись не все пока.
Из разговоров было ясно,
Что гость, искавший Навои,
С ним час в пути проговорил!

«Ну что ж ты, друг, сражён
величьем?
С чего ты стал настолько тих?» –
«Лукавить гостю неприлично,
Отвечу так: читая стих
Поэта я иначе видел.
Не оттого, что ты не выдал
Себя, в неведеньи я был,
А просто всё, что полюбил
Я в Навои – в тебе не встретил.
Он великан, а ты – как все.
В своих газелях и в хамсе
Он добр и мудр, силён и светел,
Так призывает за собой,
Что побежит на зов любой!

Он – чагатай, барлас и тюрок,
Узбек, – из нас и выше нас!
Язык – как меч, отточен, юрок,
Стрелой насквозь пронзает глаз,
Не пролетит насмешка мимо –
И всё же он на страже мира,
Он не воитель, а певец
Властитель мыслей и сердец,
Хранитель своего народа,
Жизнь отдающий за него…
А тут увидел я кого?
Старик, боящийся невзгоды,
Каких полно в любых веках,
Встречать с оружием в руках!

Бежать от бед, спасая душу?
Страну оставив – на кого?
Чем дольше я беседу слушал,
Тем меньше находил его!
Тебя назвали Алишером –
Вот в Алишера я поверю,
А Навои… Что Навои?
Он в бейты перешёл свои!
Я ухожу домой в печали,
Я не нашёл, чего искал, –
Воды в иссушенных песках,
Звезды, сияющей ночами, –
Но на страницах старых книг
Поэт по-прежнему велик!»

С улыбкой выслушав такое,
Но не обидевшись ничуть,
Поэт сказал ему: «Не скрою,
Возможно, помоложе будь,
Задет бы был я за живое,
И доказать спешил бы вдвое,
Что ошибаешься во мне.
Но за спиной полно камней,
А на камнях печальны даты…
Когда всё ближе крайний срок,
Водой впитается в песок,
Что было значимо когда-то,
И всё страшнее божий суд.
Но всё-таки не в этом суть.

Ты прав, мой друг! Свою свободу
Я, вняв унынию, решил
Поставить выше благ народа,
Прикрыв спасением души.
Аллах велик! Он силу веры
Одной ему известной мерой
Оценит в мой урочный час,
Пока же есть важнее нас
Дела ещё на этом свете.
Быть может голос мой и тих,
Но встань со мной – и нас двоих,
Глядишь, услышат и заметят,
Коль будем все мы заодно –
Враг обойдёт нас стороной!

Пусть маяком поэту Мекка
И впредь сияет впереди –
Туда я передумал ехать.
И ты, пожалуй, погоди!
Ты мудр и честен по природе –
И я, поверь, не буду против,
В тебя, как в зеркало взглянуть
И оценить, хорош ли путь,
Который выбираю ныне.
Будь новым мне учеником!
Печаль – не думать ни о ком,
Как думает отец о сыне!
Так стань мне сыном – я готов
Принять тебя под отчий кров!»

Промолвил юноша: «Учитель!
Ты, верно, истинно велик!
Что б изменилось, промолчи ты,
О том, что прав твой ученик?
В твоей меня унизить власти,
Когда все прочие – согласны
Твои же доводы принять!
В покое не был бы ни дня,
Когда б отказом я ответил,
На предложение твоё!
Моя душа щеглом поёт,
Что есть прекраснее на свете,
Чем рядом с мастером идти,
Ему внимая по пути!»

«Прекрасно! Рад, что ты доволен!
Но есть условие одно:
Твоя учёба – не неволя,
Увидев, что иду на дно,
Найдёт когда-то блажь такая,
Что, сам себе я изменяя,
Ослабнув духом, вдруг паду,
И средств достойных не найду,
Чтоб дело истины продолжить –
Ты будь таким же, как сейчас,
И правды не скрывай от глаз.
Случись такое, будешь должен
Как ученик, как сын, как брат
Не то, что люди говорят,

А что скрывают за словами
В лицо сказать, не утая!
Иначе, как султан в диване
Своих мудрейших, слышу я,
То, что диктует уваженье,
А не рассудок. Неужели
Всем тем, чем для народа жил,
Я правды слов не заслужил?»
«Ну что ж, условие исполню!
И не откладывая вдаль –
В словах друзей была печаль,
А лести вовсе там не помню,
Напрасно обвиняешь их!
Ты – Навои, и ты – вели́к!

Ты думаешь, тебе польстили
Тем, что могучим нарекли?
Твои преумножая силы,
Они и думать не могли,
Что в этом истины достигли!
В тебе, учитель, словно в тигле,
Людей сливаются дела,
Чтоб драгоценный вышел сплав,
Язык народный украшая.
Твоё влиянье таково,
Что больше в мире никого,
Кому правитель разрешает
Иметь и мнение в речах,
И целой шею на плечах!

Ты слаб, как все, перед Аллахом –
Но кто сильнее перед ним?
С себя последнюю рубаху
Ты, если б мог, отда́л другим.
Но – всяк свою одежду носит.
Кому дано – по дару спросят,
А у тебя – великий дар!
И предавать его – беда.
А потому – готов опорой
Я для тебя за то служить,
Чтоб мог ещё ты долго жить
И нас покинул бы не скоро,
И за щитом твоей души,
Мы сможем многое свершить!

Не верю я, что будто скромность
Тебя оставит хоть на миг.
Какой бы ни был мир огромный –
Ты в нём твореньями велик.
Пусть говорит порою робость,
Но путь твой не проляжет
в пропасть,
А я лишь спутником в пути
С тобою буду рад идти».
Тем завершается поэма,
Не прервался́ достойных ряд!
По крайней мере, говорят
Так люди длительное время,
И, поглядев на свой народ,
Я убеждён: молва не врёт!

Века прошли – и стало больше
Людей, в которых свет горит!
Поэта светоч не заброшен,
В земле веками не укрыт,
Передаётся в поколеньях
Сквозь мрак невежества и лени
Любви к народу яркий луч!
Для лизоблюда он колюч,
Для тирании – жгуч и жарок,
Он очищает взгляд огнём,
Злодей предстанет бледен в нём
Напыщенный чиновник – жалок,
Читай, внимай его словам –
Всю глубину познаешь сам!

В нём дух народа настоящий!
Однако, время подошло,
И умолкает говорящий,
Склонив усталое чело.
Есть чем рассказ ещё дополнить,
Но создавать не стоит волны –
И так учёные труды
Наполовину из воды
Порой составлены, к несчастью.
Доволен автор будет тем,
Что разглядел былого тень
И был к великому причастен,
Назвав по имени его!

И хватит. Больше – ничего.

Литературно-художественное издание

Кучиев Исмат Рахматович

ПЯТЬ ШАГОВ В ВЕЧНОСТЬ

Поэма

Ответственный за выпуск С. А. Бойков
Компьютерная верстка Ю. Р. Дрозд
Редактор В. С. Бугаев

Подписано в печать 8.07.2020. Формат 60 × 84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,34. Уч.-изд. л. 3,68.
Тираж 9. Заказ 119.

ООО «Альфа-книга».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/480 от 30.09.2015.
Ул. Смолячкова, 9, оф. 327, 220005, г. Минск.

Частное унитарное издательское предприятмие «Белстан».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/133 от 03.01.2014.
Пер. Броневой, 10-6, г. Минск, 220034.